

АВТОР, КНИГИ КОТОРОГО ПРОНИКАЮТ В САМОЕ СЕРДЦЕ!

ТАТЬЯНА КОГАН

ЧУЖИЕ
ИГРЫ

Амнезия души

18+

Чужие игры. Остросюжетные романы Т. Коган

Татьяна Коган
Амнезия души

«ЭКСМО»

2015

Коган Т. В.

Амнезия души / Т. В. Коган — «Эксмо», 2015 — (Чужие игры. Остросюжетные романы Т. Коган)

Галя и Глеб любили друг друга и были абсолютно счастливы... Что же случилось потом? Как хороший добрый человек превратился в циничного преступника?.. Галя жила в сказочном пряничном домике, а выглянув в окно, ужаснулась реальности. Она наконец поняла, почему Глеб не знакомил ее с друзьями! Еще в школе четверо приятелей придумали игру: каждый по очереди озвучивает свое желание, и товарищи исполняют его, ни перед чем не останавливаясь. Они убивали – из корысти или от скуки, возомнив себя богами, имеющими право вершить чужие судьбы. И Глеб, ее любимый муж, участвовал в этом кошмаре! Возможно ли такое простить? Особенно теперь, когда родился их долгожданный ребенок?..

© Коган Т. В., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Татьяна Коган

Амнезия души

© Коган Т. В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

– Мне страшно. Понимаешь? Я не могу нормально жить, зная, что этот маньяк где-то ходит, целый и невредимый. Его нужно найти! – Лиза с силой впечатала окуроч в стеклянную пепельницу и тут же достала новую сигарету.

– Ты много куришь, – мягко заметил Макс.

– Не грузи. Просто найди эту мразь. Найди и убей, – Лиза подняла тяжелый, холодный взгляд, глубоко затянувшись.

– Пол-Москвы ищет эту гниду, – он накрыл ладонью Лизины пальцы. – Прошло только две недели. Дай время.

– Прошло *уже* две недели, Макс! – огрызнулась та, высвободив руку. – Я тебе всучила кучу бабла на это дело, распоряжайся им как угодно, но сделай так, чтобы все, слышишь – не половина, – а все полицейские города искали уroda! Я спать боюсь, – Лиза откинулась в кресле, скрестив руки на груди. – Двое охранников у дверей меня совершенно не успокаивают!

– Принцесса, не паникуй, – Макс наклонился к ней и ошутимо сжал ее плечи. – Ты в безопасности. Больше с тобой ничего не случится. Я обещаю.

– Не обещай то, чего не можешь гарантировать, – отрезала Лиза. – Маньяк продержал меня взаперти два месяца и сбежал, не оставив следов. Он очень умен. Не стоит его недооценивать.

Они сидели на кухне у нее дома, на столе остывал свежесваренный кофе, в приоткрытое окно доносился шум городских улиц. Летний день шел на убыль, обычно притягательное предзакатное небо сегодня выглядело неопрятно, как полинялая голубая тряпица.

Лиза вспомнила, как очнулась в больнице на жесткой кушетке с белой простыней. Простыня показалась ей невообразимо свежей, стены и потолок – невыносимо чистыми, а солнечный свет, бивший в окно, – сюрреалистически ярким. Лиза зажмурилась от боли, но резь в отвыкших от света глазах не утихала. Слезы просачивались из-под ресниц и скатывались по щекам в ушные раковины. Лиза осторожно открыла веки, вытерлась краем одеяла и увидела Макса. Он сидел возле кушетки на неудобном твердом стуле и дремал.

– Я хочу черной смородины, – произнесла она, сама не зная почему.

Макс вздрогнул и вскочил на ноги с диким воплем:

– Лизка! Ты очнулась!

– Не ори, – поморщилась та.

– Прости! Как же ты меня напугала, если бы ты только знала, – Макс осторожно обнял подругу. – У меня столько вопросов! Но тут тебя уже давно караулят, хотят взять показания, – он указал на дверь, у которой топтался следователь. – Подожду в коридоре.

– Нет. Останься, – попросила она.

Разговор со следователем затянулся. Лиза скрупулезно отвечала на вопросы, стараясь не упустить ни одной важной детали. Любая мелочь могла стать решающей в поимке злодея. Напрягала память, вспоминая звуки и запахи, внешность и голос, и не испытывала никаких эмоций. Сотрудник полиции, беседовавший с ней, плохо скрывал удивление: обычно жертвы редко демонстрируют самообладание и сосредоточенность. С момента освобождения прошло меньше суток, а эта женщина не билась в истерику, не впадала в апатию. Вела себя по-деловому, охотно сотрудничала со следствием, старательно составляла фоторобот преступника. Ее лицо оставалось спокойным, когда она отвечала на откровенные вопросы, описывая сцены, способные вызвать ужас даже у не слишком впечатлительных натур. Создавалось впечатление, что Лиза разучилась чувствовать.

Это было странное, но приятное состояние. Такое бывает, когда слишком долго чего-то хочешь, тратишь на достижение последние силы и наконец получаешь желаемое. Умом осозна-

еешь и принимаешь ситуацию, но не имеешь ресурсов, чтобы прочувствовать успех. Ты выжат, высушен, развеян по ветру. Уже не способен радоваться сердцем – только головой. Не страдаешь – паришь в пустоте наедине со своим разумом. И нет в этом ничего плохого. И хорошего тоже нет.

В течение следующих суток Макс не отходил от Лизы ни на шаг. Она то просыпалась, то вновь проваливалась в сон, убаюканная его ласковыми руками. Не было больше ни страха, ни боли. Накопленное напряжение растворялось в стерильном больничном воздухе. И лишь неуловимое ощущение чего-то позабытого, упущенного не покидало Лизу. Сначала она игнорировала его, но ощущение усиливалось с каждым часом и к исходу вторых суток уже всецело поглотило ее. Она просила Макса рассказать последние новости в надежде, что это даст намек на недостающее звено в памяти. Макс отнекивался, говорил, нужно сперва окрепнуть, а уже потом интересоваться общественной жизнью. Лиза изображала возмущение, но друг крепко держал оборону.

Врачи диагностировали у нее сильное истощение организма и воспаление половых путей. Травм, за исключением порезов от разбитого стекла и нескольких гематом, не обнаружили. Пациентке настоятельно рекомендовали не торопиться с выпиской и оставаться в больнице как минимум неделю. Лиза не спорила. Несмотря на ясную работу мозга, физическая усталость давала о себе знать.

Утром третьего дня она проснулась от болезненного, настойчивого давления в районе солнечного сплетения. Как будто невидимые руки нажимали на грудь – не настолько, чтобы сломать ребра, но достаточно, чтобы вызвать дискомфорт. Лиза села на кровати, борясь с искушением позвать медсестру.

Нет, это тягостное ощущение только маскировалось под физическое. На самом деле тугая душлившая тяжесть поселилась где-то в подсознании и отчаянно пробивалась наружу.

На стуле лежала привезенная Максом одежда. Лиза медленно надела брюки и футболку – ватные руки плохо слушались. Ее знобило, хотя температура в палате не опускалась ниже восемнадцати градусов. К счастью, в пакете с одеждой нашелся свитер. Лиза натянула его, радуясь мягким прикосновениям кашемира. Стало теплее. Открыла дверь и вышла в коридор, длинный и пустой. За одиноким столиком сидела дежурная медсестра и читала книгу. Заметив пациентку, она укоризненно покачала головой:

– Зачем вы встали! Вам нужно лежать!

Лиза окинула ее долгим невидящим взглядом и направилась к лестнице, не обращая внимания на призывы дежурной вернуться в палату.

Во дворе никого не было. Тяжело дыша, Лиза прошла немного вперед и села на лавочку. Она чувствовала, как к ней приближается нечто важное, нечто, способное изменить ее жизнь. Но что именно? Эмоция, событие, человек? Ответа не последовало. Лизе оставалось только ждать. И она ждала.

Минуло не менее часа, и ощущение чего-то, неуклонно надвигающегося, исчезло. Она встала, намереваясь подняться в палату, и увидела Максима, пересекающего больничный двор. Его темно-русые волосы, давно нуждавшиеся в стрижке, в лучах утреннего солнца казались совсем светлыми и отчего-то родными. Хотелось взъерошить их, зарыться носом и поцеловать его в макушку. Лиза замерла, потрясенная воспоминанием.

Дочь!

Как можно было забыть о родной дочери?

– О чем ты задумалась? – Голос Макса вернул ее в настоящее.

Лиза забралась в кресло с ногами и плотнее закуталась в плед:

– Не могу отследить момент, когда позабыла о существовании дочери. Помню, постоянно думала о ней, переживала. А потом – резкий провал. Я рухнула в иную реальность, где отсутствовали любые проявления внешнего мира. Сплошная чернота и обрывки чувств. Помню, как

ненавидела, как желала смерти ублюдку. Уже не соображала, кто он такой и почему приходит снова и снова, будто мы с ним – единственные выжившие существа и обязаны держаться вместе. Но продолжала его ненавидеть. Это было так странно. И жутко...

– Перестань, – Макс нахмурился. – Прекрати вспоминать.

– Если бы я все по-настоящему вспоминала, я бы уже в дурке валялась, – Лиза улыбнулась одними губами. – Ты знаешь, я умею себя контролировать.

– Где Настюха, кстати?

– С няней гуляет. Что, соскучился? – Тонкие губы насмешливо растянулись. – Чем ты ее приворожил, что она только о тебе и говорит?

– Не выдумывай. Просто навещал ее периодически, – Макс было неловко поднимать эту тему. Он чувствовал вину перед Лизой за то, что все два месяца позволил ее дочери оставаться в приюте.

– Кстати, – Лиза убрала упавшую на глаза челку. – Я тебя так и не поблагодарила. Спасибо, что присматривал за Настей.

– Не за что меня благодарить, – буркнул Макс.

– Как скажешь.

Он метнул на нее быстрый взгляд. Лиза утверждала, что пришла в норму, но правдивость этого заявления вызывала сомнения. Прошло слишком мало времени, на восстановление требовалось больше, гораздо больше. Макс опасался, что Лиза многое скрывает, прикидываясь сильной. Природное упрямство не позволяет ей попросить о помощи. Она уже два раза отвергала его предложение обратиться к психотерапевту. И хотя Макс не сильно верил в эффективность «психопатов», как он их называл, считал, что попробовать стоит. Хуже они вряд ли сделают.

– У тебя такой взгляд, будто ты сейчас опять заведешь шарманку про психотерапевтов, – Лиза сузила глаза.

– А чего ты артачишься? – вспыхнул Макс. – Ты крутая баба, какой базар! Но крутые тоже уязвимы.

– Достал уже, – отмахнулась она. – Вот Джек вернется из Германии, к нему и схожу.

– Специально меня злишь, да?

– Мне этого очень не хватало.

– Ну-ну.

Лиза помолчала.

– Когда он прилетает?

– Послезавтра.

Повисла тишина, нарушаемая лишь громким дыханием Макса. Лиза улыбнулась. Она не лукавила, когда говорила, что больше не испытывает шока. Хваленое самообладание вернулось, и способность блокировать негативные эмоции тоже. В нынешнем положении рефлексия подобна смерти. Сейчас ни в коем случае нельзя расслабляться – иначе захлебнешься в чудовищных воспоминаниях. И без того нелегко держать в узде животный страх перед избежавшим правосудия палачом. Лиза наняла охрану, купила электрошокер и сократила до минимума выходы из дома, но все равно не считала себя защищенной. Она открыла для Макса специальный счет, откуда он мог брать средства на расходы по поиску преступника. К сожалению, результаты не радовали.

Лиза посмотрела на висевший на стене календарь. 24 июня. Подумать только, всего две недели назад она еще не верила, что спасется. Металась в бреду, почти лишившись рассудка от отчаяния и кипящей злобы. Теперь это казалось таким далеким. Иногда Лизу даже посещала мысль, что тот кошмар не происходил в реальности. А потом звонил следователь, чтобы вызвать ее на очередное опознание, и она понимала: все было. И замкнутое пространство, и боль, и унижение.

– Ты что-нибудь ела сегодня? – спросил Макс.

– Да, папочка.

– Не паясничай. Ты худая совсем.

– Когда это тебя смущало?

– Перестань, – Макс повернул голову в сторону коридора. В прихожей хлопнула дверь, послышалась возня и звук быстрых детских шагов. Настя вбежала в кухню и кинулась к нему.

– Ты давно не приходил! – сердито фыркнула девочка, устраиваясь на коленях Макса. – Где ты был?

– Как погуляла, солнышко? – Лиза отодвинула полную окурков пепельницу на дальний край стола.

– Где ты был? – повторил ребенок, игнорируя вопрос матери.

– Извини, крошка, делами занимался. Но я все время о тебе думал, – весело подмигнул Макс. – Мама спросила, как ты погуляла.

– Хорошо, – неохотно отозвалась Настя. – Завтра пойдешь со мной.

– Охренеть, – тихо пробормотала Лиза. – Левый мужик интересуется моего ребенка больше, чем собственная мамаша.

– У вас много общего, – Макс довольно усмехнулся. Ему льстила любовь ребенка, да и Лизкино недоумение дорого стоило.

– Сейчас вернусь, – Лиза встала с кресла, взяла лежавший на стуле клатч. – Я на минутку. Макс поднял Настю вверх на вытянутых руках:

– А ну, признавайся, принцесса, чем ты сегодня занималась?

Девочка засмеялась и попыталась вырваться.

– Ах так? – грозно прорычал он. – Не хочешь признаваться? Тогда я тебя защекочу!

Девочка залилась пуще прежнего.

В проеме двери появилась крупная молодая женщина лет тридцати пяти, одетая в нелепый коричневый балахон, – новая няня, нанятая Лизой вместо сбежавшей гувернантки. В руках она держала махровое полотенце. Поздоровалась с гостем и обратилась к ребенку:

– Пойдем в ванную, нужно сполоснуться после прогулки.

– Не хочу, – весело заявила девочка, заинтересованно поглядывая на мужчину.

– Ты не можешь оставаться грязной и пыльной, – урезонила ее няня.

– Могу! – Настя спряталась за спину Максима.

– Что за бунт на корабле? – вмешалась Лиза. – Солнышко, пошли искупаемся!

Настя обхватила ручкой ногу Макса и почти кокетливо улыбнулась ему.

– Что, доченька, нравится тебе дядя Максим? Расстаться не можешь? Мне он тоже нравится, – без намека на иронию произнесла Лиза. Ее недавнее беспокойство утихло, на губах играла улыбка.

«Умеет же, зараза, управлять своим настроением!» – с восхищением отметил он.

– Предлагаю следующий вариант: дядя Максим донесет тебя до ванной, я тебя искупаю, а потом няня Вера почитает тебе сказку, которую ты сама выберешь. Идет? – Лизины глаза лукаво сощурились.

Когда с купанием было покончено, Лиза попросила Макса подождать, пока она переоденется. Когда она вышла из спальни, на ней был блестящий черный комбинезон из легкой струящейся ткани и высокие шпильки. Красная помада довершала образ.

– Не хочу быть дворовой девицей, а хочу быть царицей! Поехали в ночной клуб. Оторвемся.

Макс даже рот открыл от удивления:

– Ты серьезно?

– Надоело бояться. Пока буду сидеть в норе, как премудрый пескарь, так вся жизнь пройдет.

– Если честно, у меня сейчас нет бабок на ночные клубы. Извини.

– Ты такой идиот, Максик, – Лиза ласково потрепала его по щеке. – Но я тебя все равно люблю. У меня до хрена денег. Потратим их вместе.

– Я так не могу.

– Тогда поступим иначе, – Лиза прижалась к Максу и задышала ему в ухо. – Поиграем в ролевую игру. Ты мальчик из эскорта, и я тебя сняла на ночь! И сейчас мы поедем кутить.

От внезапной близости Макс разволновался. Вот ведь парадокс. Знает Лизку уже столько лет, а продолжает хотеть ее, как школьник. Стоит ей ласково улыбнуться – тут же в барана превращается.

Тонкие пальцы пробежались по животу и опустились ниже. Макс кашлянул:

– Лизка, ты что творишь? Я же тебя прямо здесь разложу. А ты еще лечишься!

– Пошли отсюда, – Лиза схватила его за ремень и потянула к выходу. – Позвони своей пышке, предупреди, что до утра не появишься.

Глава 2

Домой Макс явился около шести утра. Надька еще спала. Чтобы не разбудить ее, улегся на диване в гостиной. Поворочался с полчаса, да и встал – сна не было ни в одном глазу.

Ночка выдалась бурной. Лиза впала в экстаз: играла, танцевала и щебетала без умолку. Такой жизнерадостной подруга бывала крайне редко, хотя и любила повеселиться. Сперва Макс подозревал, что она притворяется, пытается убежать от гнетущего страха. Однако слишком уж искренне Лиза смеялась – оттенки ее смеха он научился распознавать давным-давно.

Двое охранников не отходили от Лизы ни на шаг. Накануне Макс провел собеседование и отобрал лучших. Долго метался, не зная, в какое охранное агентство обратиться – выручила Лизка, всучив ему визитку, оставшуюся от мужа.

– Твоего благоверного эти ребята не сильно защитили, – засомневался Макс.

– Мой благоверный нанимал не телохранителя, а шофера. И тот самый шофер, если ты помнишь, заслонил его собой от пули. Конечно, это не очень помогло, – Лиза зло усмехнулась. – Но факт остается фактом. Если в этом агентстве простой водила готов пожертвовать своей жизнью, то какого уровня там телохранители? Это лучшее охранное агентство в городе. Так что кончай метаться и подыщи там каких-нибудь мальчиков.

Вообще-то сперва она предлагала Максиму самому временно поработать ее телохранителем, пообещала хорошую зарплату, но он отказался. Во-первых, он не профессионал и эмоционально вовлечен. Во-вторых, он бы скорее сквозь землю провалился, чем позволил подруге платить ему. Одно дело – раз поддаться на уговоры, и совсем другое – добровольно поставить себя в зависимое положение.

Телохранители свое дело знали, однако Макс все равно проводил Лизу до дверей квартиры – она выдохлась и еле держалась на ногах. Еще не хватало, чтобы к ней прикасались двое молодых самцов. Лиза – баба ненадежная. К тому же пережила стрессовую ситуацию и нуждается в сильном плече рядом. Надо почаще ее проводить на случай, если ей приспичит чего-нибудь.

Впрочем, Макс и так навещал Лизу неприлично часто. Заскакивал хотя бы раз в два дня. Не только потому, что скучал. Терзало его тревожное предчувствие. И совсем не из-за непойманного маньяка. Он сомневался, что преступник когда-либо сунется к бывшей жертве. Судя по всему, у него сильно развит инстинкт самосохранения, да и котелок хорошо варит. Он наверняка покинул город и еще несколько лет не рискнет высунуться. По словам Лизы, фоторобот получился крайне точный. Ориентировки разосланы по всем отделениям полиции. Гораздо больше Макс беспокоился о возможной диверсии со стороны анонимного мстителя.

Пока Лиза отсутствовала, от него не было ни слуху ни духу. Теперь же, когда столичные СМИ раструбили о волшебном избавлении похищенной вдовы известного бизнесмена, появилась очевидная угроза. Макс не знал, когда, где и как нагрянет неожиданный гость, но подозревал, что ждать придется недолго. Это здорово расшатывало нервы. Лизка пережила потрясение, от которого трудно оправиться, ей сейчас покой требуется. Нужно во что бы то ни стало оградить ее семью от вторжения очередного сумасшедшего.

Перед глазами вспыхнули кадры недавнего прошлого. Макс мчит по раздолбанной сельской дороге, ругаясь на барахлящий навигатор. Час назад ему позвонила Лиза и тут же передала трубку какому-то мужику. Тот сбивчиво сообщил адрес и объяснил, по какой трассе лучше добраться. У Макса башку напрочь снесло. Он гнал с такой скоростью, что дорожные камеры наверняка не успевали реагировать. Добрался до деревни феноменально быстро. И обнаружил Лизу. Истощенную, порезанную, с безумным, затравленным взглядом. Страшнее картины в жизни не видел.

Разумеется, он сделает все возможное, чтобы отыскать и наказать маньяка. Но сейчас первоочередная задача – предотвратить новую охоту на Лизу. Хоть бы одну зацепку иметь, ничтожный намек, способный вывести на злобного старика. Сложно сражаться с тенью. Хорошо, что Джек приедет здоровым. Поможет.

На Глеба Макс махнул рукой – после возвращения памяти товарищ стал еще более странным, чем при амнезии. Твердил про ошибки, грехи и прочую дребедень. Эх, времени нет устроить ему хорошую взбучку, чтобы мозги на место встали. Со всей этой нервотрепкой Макс даже за Джека как следует не порадовался. Немецкие врачи поработали на славу. Долго возились, зато результата достигли. Нужно будет уточнить рейс – Макс вызвался встретить друга в аэропорту.

– Давно дома? – поинтересовалась заспанная Надька.

– Не очень. А ты чего так рано поднялась? – Он поцеловал жену и пошел на кухню ставить чайник.

– Выспалась уже. Что у тебя ночью за дела были? – Надька зевнула и двинулась следом. – Ты же в клубе с пятницы дежуришь. А сегодня среда.

– Да так, халтура подвернулась, – соврал Макс. На фоне общей усталости и недосыпа ее вопросы начали его раздражать.

– Какие планы на сегодня?

– Ну, какие планы, цыпа? Пожру и поеду таксовать.

Надька достала из холодильника пакет с молоком и недовольно посмотрела на мужа:

– Не уработайся раньше времени. Отдыхай иногда.

– Надюха, что ты меня достаешь с утра? Лучше приготовь завтрак, пока я в душ схожу.

– Омлет будешь?

– Буду, – крикнул Макс из коридора и исчез в ванной.

Надя включила плиту, поставила сковороду нагреваться и вернулась в гостиную. Подняла с пола грязную рубашку мужа и понюхала. Рубашка пахла потом и женскими духами.

Когда Макс вернулся в кухню, завтрак уже ждал на тарелке. Какое-то время Надя молча наблюдала за тем, как муж ест, и удалилась в другую комнату.

День прошел суетливо, но бестолково. Клиентов было много, но все безденежные. Заработать получилось мало. Макс раздумывал, стоит ли ехать к Лизе, когда позвонил Глеб.

– Привет. Не отвлекаю? – спросил он.

– Не отвлекаешь, – сдержанно ответил Макс. Последний раз они разговаривали сразу после спасения Лизы. Глеб обещал заскочить к ней, но так и не приехал.

– Как дела? – В голосе друга звучала неловкость.

– Дела шикарно.

– У тебя как со временем сегодня?

– Есть предложения? – холодно поинтересовался Макс. Он устал надеяться, что Глеб станет прежним, поэтому старался не преувеличивать значение телефонного звонка.

– Встретимся?

– Где и когда?

Спустя час они сидели в унылом безлюдном баре с плохим обслуживанием и разбавленным алкоголем.

Макс испытующе смотрел на друга, гадая, чего от него ожидать. Глеб долго молчал, потягивая отвратительное пиво, и выглядел удрученным.

– Как там Лиза? Приходит в себя? – наконец выдавил он.

– Постепенно, – уклончиво ответил Макс. – Фоторобот видел?

Глеб кивнул.

– Не представляю, кто это такой.

– Вот и я не представляю. Сначала думал, может, это та самая таинственная падла, но лица вообще не похожи. Лизка сказала, что уроду, который ее похитил, не больше сорока на вид.

– Что следствие? Двигается? – без интереса спросил Глеб.

– Пока не очень. Но это ничего, рано или поздно маньяк где-нибудь проявится, – Макс повертел в руках солонку и поставил на место. – У тебя что? Какой-то ты унылый.

– Сын у меня родился.

– Да ну? Старик, ты серьезно? От Гальки? Вы помирились? – Новость воодушевила Макса. На долю секунды ему показалось, что все возвращается на круги своя. Лизка нашла, Джек прозрел, Глеб вернулся в семью, а значит, есть все шансы восстановить компанию.

– Нет, мы не помирились, – товарищ мрачно усмехнулся. – Я и сына-то своего еще на руках не держал.

– Почему?

– Почему? – Глеб пожал плечами.

И он рассказал, как случайно узнал о Галиной беременности, как долго добивался встречи, как мучительно выяснял адрес и как наконец вышел на след. Глеб прекрасно помнил, какое чувство охватило его при виде счастливой жены, идущей бок о бок с другим мужчиной: злость. На себя – за то, что не удержал. На нее – за то, что не простила. На весь этот чертов мир, в котором нет справедливости. Хотелось кричать от ярости и крушить все на своем пути. Вместо этого он выдохнул и двинулся навстречу бывшей жене.

– Ты бы видел ее лицо, – Глеб отхлебнул пива. – Как будто она увидела привидение и одновременно с этим наступила в дерьмо.

– Зря она так, – история друга задела Макса за живое. В женщинах он ценил верность и предательства бы никогда не простил. Мимолетные увлечения спускал только Лизе, да и то лишь потому, что она всегда держалась за дружбу и ценила ее выше сексуальных игр. – А ты чего?

– А я погрозил ей пальцем и сказал: «Отдай ребенка, он мой!»

– Чего?

– Шучу, – Глеб невесело улыбнулся, решая, стоит ли рассказывать Максиму подробности встречи. То, что произошло дальше, напрямую касалось не только его самого, но и всей компании.

– Ты же не в курсе, почему Галя от меня свалила?

Макс отрицательно покачал головой:

– Ты не особо распространялся, старик.

Глеб выдержал паузу, собираясь с мыслями, и выдал:

– Она узнала об игре.

Макс оторопел:

– Как узнала? От кого?

– Она что-то начала подозревать, купила диктофон, подсунула мне его в карман. И прослушала все, о чем мы говорили на той встрече в ресторане по поводу эксперимента Джека. Если ты помнишь, мы тогда были крайне многословны. Любовница твоя, которую мы... Это была ее знакомая.

– Охренеть, старик, – Макс глядел на него округлившимися глазами. – Просто, блин, охренеть!

– Галя собрала вещи и ушла, – продолжил Глеб. – Вычеркнула меня из своего прошлого. Как будто ничего и не было между нами.

– Старик, я даже не знаю, что сказать, – промямлил Макс.

– Я предложил ей поговорить, когда увидел ее с ребенком. Она попросила своего мужика откатить коляску подальше и подождать пять минут, а потом вызывать полицию. Круто, да?

Когда женщина, родившая от тебя ребенка, дает тебе пять минут, чтобы высказаться, – Глеб рассмеялся и тут же осекся. – Слушай, пойдем на воздух? Здесь душно.

Макс поспешно встал из-за стола. Они рассчитались за пиво и вышли на улицу. Молча миновали оживленный перекресток, пересекли проезжую часть и свернули в тихий переулок. Стоял теплый безветренный вечер, комья тополиного пуха рваной пеленой застилали пыльный асфальт, большинство окон, выходящих в тенистый двор, были открыты.

Глеб вспомнил, как Галя говорила с ним: холодно, лаконично, чеканя каждое слово. Говорила, что он не должен появляться в ее жизни. Что не имеет никаких прав на ребенка, у которого теперь новый отец. А если Глеб предпримет попытку борьбы, она отнесет в полицию диктофонную запись и даст показания против его друзей.

– Ты сохранила запись? – не поверил Глеб. – Предусмотрительно.

– Ты и твои дружки – убийцы. У меня нет другого способа обезопасить себя. Я не заявила на тебя, потому что не хотела окунаться в это дерьмо. Но я могу передумать. Поэтому уходи и никогда не возвращайся.

– Я хочу посмотреть на сына, – тихо произнес Глеб. Он не узнавал женщину, стоявшую перед ним. Это не она стеснялась первого поцелуя, не она плакала и смеялась в его объятиях, не она мечтала о совместном будущем. Под маской любимой женщины пряталась незнакомка.

– Считай, что у тебя нет сына, – бросила Галя и отвернулась. – Прощай.

– Как ты его назвала?

– Андреем.

Глеб смотрел ей вслед и не мог поверить в то, что произошло минуту назад. Абсолютно бредовый, дикий диалог. Глеб никогда не считал себя ни героем, ни размазней. Но теперь, стоя посреди пустынного сквера в одиночестве и без планов на будущее, ощущал себя полным ничтожеством. Он растерялся – не ожидал столь враждебного отпора. В памяти жил иной образ – мягкой, нежной, несмелой женщины, которую хотелось защищать.

Глеб не боялся сесть в тюрьму. Он, как и его товарищи, заслуживал наказания – но кто он такой, чтобы решать за других и единолично подписывать приговор? Должен существовать способ договориться, не причиняя вреда третьей стороне.

Несколько дней после встречи Глеб не находил себе места, прикидывая в уме варианты примирения. Любая идея неизменно упиралась в тупик, приводя его в отчаяние. К концу второй недели он осознал, что сойдет с ума, если немедленно не поделится с кем-нибудь своей бедой. Груз, давивший на сердце, стал слишком велик, чтобы выдерживать его в одиночку.

– Я не знаю, как поступить, – Глеб достал из кармана сигареты и зажигалку и закурил. – Прости, что вывалил это на тебя. Больше не на кого.

– Старик, какой базар, мы же друзья, забыл? – Макс сжал его руку выше локтя, вынуждая остановиться. – Это хорошо, что ты все рассказал. Мы что-нибудь придумаем. Слышишь? Как-нибудь выкрутимся. Не впервой.

– Знаешь, мы давно решили с Галей, что, если родится сын, назовем его Андреем.

– Ты его отец, и мы вернем тебе право видаться с ним, – с пылом произнес Макс.

Глеб сплюнул:

– Я теперь никто. У меня даже паспорта настоящего нет. Я Кирилл Смирнов, который не имеет никакого отношения к этому ребенку.

– Я тебя не узнаю, старик, – Макс посторонился, давая пройти спешившему пешеходу. – Прежний паспорт можно восстановить. Это не проблема. Если надо, генетическую экспертизу замутим. Ты, главное, не горячись и в крайности не впадай. Нужно спокойно все обдумать. Договорились?

– Теперь я тебя не узнаю, – усмехнулся Глеб. – Рассуждаешь, как какой-нибудь Джек.

– Я сам в шоке, – хохотнул Макс. – Ты в курсе, что он завтра возвращается?

– Долго он там торчал. Наверное, в загул ушел. Обмывал победу.

– Знать ничего не хочу. Обмывать будем завтра. Соберемся вместе, как раньше, – в голосе друга скользнули мягкие нотки. Видимо, мысль о воссоединении не покидала его.

Глеб промолчал. Он не верил, что компания станет прежней, но и желания навсегда избавиться от товарищей уже не испытывал. Сложно отказаться от многолетней дружбы, даже если она изуродована совместными преступлениями. Когда прижало – к кому Глеб побежал? Правильно, к старому другу. Человек – жалкое создание, не способное справиться с одиночеством.

– Ты придешь? – Макс с надеждой посмотрел на друга.

– Приду. Во сколько? – ответил Глеб.

Макс выдохнул с облегчением:

– Еще не знаю. Я тебе завтра наберу. Ты, главное, трубку бери.

Еще с полчаса они мерили переулок широкими шагами, обсуждая многочисленные новости, а затем попрощались. Максу нужно было домой – обещал Надьке прийти пораньше. Глеба дома никто не ждал, поэтому он еще долго бродил по городу, нещадно дымя и думая о будущем, не сулившем ничего хорошего. Отчаяние немного отпустило, но до вменяемого состояния было еще далеко. Глеб прокручивал в памяти разговор с Галей, гадая, какие чувства она испытывала. И не находил ответа.

Глава 3

Трудно описать чувства, которые испытывала Галя, глядя на сына. Это безусловная любовь, приправленная тысячью специй, среди которых и восхищение, и страх, и благодарность. И не существует на Земле чувства более мощного и безотчетного, чем это. Не существует и никогда не будет существовать. Ибо нет волшебства сильнее того, что связывает мать и ребенка.

– А кто у нас улыбается? Кто у нас такой красивый-красивый? – Галя склонилась над сыном и пощекотала его животик. – Какой сытый, довольный мальчик мне улыбается! Сладкий-пресладкий, да, Андрюшенька?

На этой неделе сыну исполнится три месяца. Андрюша получился ребенком тихим и покладистым. Плакал немного и только по делу и быстро утешался, получая необходимое. Другие дети ночью по десять раз просыпаются, выматывая родителей, а Андрюша проявлял чудеса деликатности. Здоровьем малыш отличался крепким, что было вдвойне приятно и удивительно на фоне того, сколько матери пришлось помучиться при беременности.

На шестом месяце Галя легла на сохранение: врачи выявили риск преждевременных родов. Не самое веселое занятие – постоянно находиться в больнице, но Галя не сетовала. В тот самый миг, когда она почувствовала внутри себя зародившуюся жизнь, вспыхнуло неистовое, непоколебимое желание защищать ее во что бы то ни стало, любой ценой. Провести три с лишним месяца на больничной койке ради благополучия собственного ребенка – это мелочи. Тем более что с лечащим врачом ей очень повезло. Выяснится это немного позже, а тогда, в первые дни стационара, Галя сильно переживала. Боялась лишний раз с кровати встать – а вдруг резкие движения повредят ребенку? Медсестра, заметившая волнение новенькой, поспешила ее утешить:

– Да не нервничай так, милая. Ты в надежных руках. Андрей Андреевич еще ни одного ребеночка не потерял. Врач от бога.

И действительно, врач оказался одним из лучших акушеров-гинекологов в городе. Помимо профессионализма, присутствовала в нем редкая человеческая теплота, словно он был по-родственному заинтересован в том, чтобы все его пациенты поскорее поправились. После нескольких месяцев добровольного одиночества, на которое Галя обрекла себя из-за разрыва с мужем, душевная внимательность со стороны чужого человека не могла не остаться неоцененной. Галя с удивлением отвечала на вопросы доктора о ее моральном состоянии, каждый раз сомневаясь в его искренней заинтересованности. Шли день за днем, неделя за неделей, и прежняя настороженность исчезала, а желание доверять – росло и крепло.

В самом деле, зачем изображать сочувствие, если не испытываешь его? Андрей Андреевич не выглядел лицемером. В его взгляде светилась забота, и все чаще Галя ловила себя на мысли, что ждет прихода врача. Иногда после смены Андрей Андреевич уходил не сразу, задерживаясь на час-другой ради беседы с любимой пациенткой (так в шутку величали ее медсестры).

Они разговаривали о разном, но никогда не касались прошлого. Андрей Андреевич не спрашивал про семейное положение Гали. И без слов было понятно, что она одинока. Неужели бы муж не навещал ее в больнице? Из родственников только мать и отец проводывали дочь.

Беседы становились все длительнее и откровеннее, и, хотя Галя упорно молчала о семейной трагедии, становилось все более очевидным, что она жаждет открыться. Андрей Андреевич демонстрировал удивительное терпение, никоим образом не выказывая любопытства. Тем не менее в его речи проскакивали фразы о том, что такая красивая, умная молодая женщина непременно должна иметь рядом сильное плечо. Галя молчала, тайком поглядывая на доктора

и воображая его в роли преданного мужа. Уж от него лжи и подлости ожидать глупо. Никогда прежде она не встречала столь честного и порядочного человека.

Воспоминания о предательстве Глеба хоть и утратили былой накал, но все еще причиняли боль. Не острую, от которой лезешь на стену, а зудящую и монотонную, которая расплывается по всему телу и почти незаметна. С такой болью можно нормально жить, и, если не заикливаться на некотором дискомфорте, однажды перестанешь ее ощущать.

Галя не забыла Глеба. Невозможно за короткий срок забыть того, с кем был счастлив многие годы. Большинство пар в браке теряют изначальную страсть, некогда влюбленные мужчина и женщина перевоплощаются в брата и сестру, идя на поводу у привычки. К Глебу у нее не получалось привыкнуть. Он был непредсказуем и горяч, и чего с ним не стоило опасаться – так это скуки. Галя любила мужа, как любят подростки – неистово и на века. Желала составить вместе с ним и умереть в один день. А потом ее маленькая и уютная вселенная взорвалась, и бабочки в животе превратились в гадких, омерзительных насекомых, жалящих так, что замирало сердце.

Страшнее всего осознавать, что ты любил несуществующего человека. Галя придумала Глеба, трепетно вылепила его образ и поверила в иллюзию. Под внешностью любимого мужа скрывался преступник и убийца, не желавший отступать. Он просил прощения и сулил ей счастливое будущее, но кто обманется, когда маска сдернута? Галя ни за что бы не вернулась к Глебу. Тем более что появился на горизонте совсем другой человек – настоящий.

Андрей Андреевич вел ее всю беременность. Когда начались схватки, Галя уже знала, что назовет сына в честь доктора. Спустя месяц после родов Галя и Андрей Андреевич стали жить вместе. А спустя еще месяц тихо, без церемоний расписались.

– Что, хочешь на ручки? – Галя счастливо улыбнулась. – Сейчас мамочка приготовит ужин, а потом возьмет тебя на ручки. Договорились, сладкий? Папка придет с работы голодный, надо папку накормить. Ты пока поиграй, золотой. Какую нам красивую погремушку бабушка подарила. Нравится?

Вместо ответа карапуз довольно агукнул и шлепнул ладошкой по разноцветной гирлянде.

– Играйся, радость моя! – Галя постояла у кровати, с умилением глядя на сына, и направилась в кухню. Достала из холодильника овощи, поставила кипятить воду в кастрюле. Галю беспокоило, что супруг плохо питается: из-за плотного рабочего графика у него не всегда получалось нормально пообедать. Поэтому она старалась кормить его полезными завтраками и ужинами.

– Ты себя не бережешь, – нарочито сердито выговаривала она мужу. – Почему не хочешь брать с собой готовый обед? Быстро разогрел, поел горяченького.

– Ты же знаешь, Галина, времени у меня, скорее всего, не будет. Ничего, не похудею. С твоими ужинами сбросить вес не получится, – шутил Андрей. – Ты мне, как в лучших ресторанах, несколько сменных блюд готовишь. Когда только успеваешь.

Наверное, другая бы и не успевала. Но Гале домашние дела давались легко. Да и боженька ее любил – такого ласкового, беспроblemного сыночка подарил. Сыночек и прибраться позволял, и постирать-погладить, и даже отдохнуть часок среди дня. Галя уставала гораздо меньше, чем ожидала, будучи беременной. Супруг помогал, да и мама через выходные приезжала понынчить внука. Когда у молодоженов выдавался свободный выходной, они отправлялись на прогулку в лес и бродили до самого вечера. В эти моменты Галя невольно сравнивала бывшего и настоящего мужей. Глеб не разделял ее любви к природе, а Андрей, наоборот, одобрял и поддерживал.

– Всегда мечтал посадить собственный сад, – признавался Андрей. – Раньше все как-то времени не было, да и стимула. Но теперь у меня есть, с кем сидеть под тенистыми деревьями.

Галя слушала и улыбалась.

С Глебом она чувствовала себя защищенной, но никогда – расслабленной и спокойной. В их отношениях присутствовала доля спонтанности и хаоса. С Андреем Галя впервые обрела покой. Да, она не испытывала щемящей, граничащей с наваждением любви, зато получала удовольствие от нежности и тепла. Андрей олицетворял собой спокойный ум и доброе сердце, рядом с ним Галя была ограждена от неожиданностей. Ее жизнь потекла наконец в правильном и надежном русле. Прошлые фантазии казались теперь фальшивыми и неважными.

Например, в юности Галя мечтала иметь компанию близких друзей, чтобы делиться с ними секретами и планами на будущее. Она даже немножко завидовала Глебу, у которого такая компания была. Галя обижалась, что муж не знакомит ее с друзьями. Какая же она была глупая! Сама не знала, чего хотела! Для счастья нужны честный, любящий супруг и здоровый ребенок. Никакие друзья не принесут тебе столько радости.

И кстати, коль уж речь зашла о друзьях, Андрей в отличие от Глеба сразу же познакомил Галю со своими товарищами. Представил ее как свою «лучшую и единственную половину». Она смутилась, но про себя ликовала.

Галины родители нового зятя приняли с распростертыми объятиями. Дочь счастлива, у внука появился достойный отец – чего еще желать? Словом, все было хорошо. За одним исключением.

Галя не сомневалась, что рано или поздно Глеб выяснит, что она родила от него ребенка. За несколько лет брака она не догадалась о темной стороне мужа, зато характер его изучила прекрасно. Если бывший супруг узнает о сыне, то захочет воспитывать его. Оставалось надеяться, что случится это как можно позже.

Сообщение матери о появлении Глеба застало Галю врасплох. Она еще не успела придумать план действий. Признаться Андрею не решалась, боялась, что, начав рассказывать, уже не остановится и выложит всю правду. Кто знает, как отреагирует муж. Скорее всего, предложит обратиться в полицию и засадить преступную шайку в тюрьму. Мысль здравая и адекватная. Убийцы должны понести наказание, все верно. Но, черт возьми, Галя не могла переступить через себя. Слишком многое связывало ее с некогда любимым человеком. Она никогда не простит его, не впустит в свою жизнь. Но и судьей выступать тоже не будет. Бог ему судья.

Галя помешала суп, зачерпнула ложкой и осторожно попробовала – осталось добавить чуточку специй и соли. На мобильник пришло сообщение. Андрей писал, что задержится на работе на час, просил прощения. Галя ответила, что ждет и любит. Все-таки ей очень повезло с Андреем. Глеб бы и не подумал предупредить. Он нередко заявлялся домой поздно, с разбитым лицом. Ему не хватало острых ощущений, и он постоянно провоцировал драки. Андрей же обладал достаточным тактом и умом, чтобы решать проблемы при помощи слов, а не кулаков.

Из комнаты донесся плач: сын требовал внимания. Галя выключила плиту и вымыла руки.

– Кто тут у нас недовольный такой? Кто соскучился? – Она подняла ребенка, мгновенно затихшего при виде матери. – Пойдем посмотрим в окошко, там такой красивый закат.

Вид из окна открывался и правда удивительный: широкая, плохо асфальтированная дорога уходила прямо в горизонт, где угасало густо-розовое солнце. Галя родилась и выросла в городе, но предложение Андрея перебраться в поселок восприняла с восторгом. Свежий воздух, лес в двух шагах от дома, люди спокойные, не озлобленные. Для ребенка несомненная польза. Да и шансы остаться незамеченной возрастали. Увы, конспирация долго не продлилась.

Галя узнала его издали. Он совсем не изменился. То же сосредоточенное лицо (со следами от потасовки), те же плотно сжатые губы, тот же нервный шаг. Весь его облик был столь родным и одновременно отталкивающим, что хотелось броситься наутек, бежать без оглядки, только бы не видеть, не слышать, не иметь возможности прикоснуться.

– Что-то случилось? – забеспокоился Андрей. – Ты напряжена.

– Андрей, я тебя сейчас о чем-то попрошу, – тихо произнесла она. – Обещай не расспрашивать. Я все расскажу позже. Пожалуйста, возьми коляску и подожди пять минут, пока я поговорю с этим человеком. Если через пять минут он не захочет закончить беседу, вызывай полицию, – на последней фразе она повысила голос, чтобы Глеб услышал.

Андрей не стал задавать вопросов и отошел в сторону, внимательно наблюдая за женой.

– Ты считаешь это правильным – скрывать сына от родного отца? – спросил Глеб. В его голосе не было обычной уверенности, он звучал почти жалко.

Страх и напряжение внезапно отпустили, и Галя почувствовала, что ей нечего опасаться. Глеб явился не в образе воинственного врага, намеревающегося уничтожить всех, кто не подчинится его воле. Нет. Он скорее напоминает просителя, алчущего милости. Он подавлен и растерян. Понимает, что не заслуживает снисхождения.

– Правильно ли позволять ребенку общаться с преступником? – ответила вопросом на вопрос.

– Я никогда не причиню вред ни тебе, ни сыну. Ты же знаешь, – Глеб с тоской посмотрел на нее.

– Нет. Я не знаю, – возразила она. – Я не доверяю тебе после того, что ты сделал. Ты не должен приходить ко мне и требовать общения с сыном. У тебя нет на него прав.

– Я его отец.

Галя мысленно зажмурилась, молясь, чтобы ее уловка сработала.

– Если ты позволишь себе хоть раз приблизиться к нам, я отнесу в полицию диктофонную запись и посажу тебя и твоих дружков.

– Ты сохранила запись? – не поверил Глеб. – Предусмотрительно.

– Ты и твои дружки – убийцы. У меня нет иного способа обезопасить себя. Я не заявила на тебя, потому что не хотела окунаться в это дерьмо. Но я могу передумать. Поэтому уходи и никогда не возвращайся, – Галя лгала. Диктофон она выбросила в тот же день, когда узнала чудовищную правду. Удивительно, что Глеб поверил. Удивительно, что испугался тюрьмы. Какой же он ничтожный, мелкий человек. Да разве бы она сама устрасилась возмездия, разве бы отступилась, борясь за собственное дитя?

Глеб капитулировал, даже не начав сражения. И от этого стало на душе совсем тошно. Больно осознавать, что мужчина, некогда являвшийся центром вселенной, трусливый и недостойный тип. Галя развернулась и пошла прочь, ощущая, как затянувшаяся душевная рана расплзается по швам.

До самого дома Андрей не вымолвил ни слова. Икупал ребенка и сам уложил спать, видя отрешенное состояние жены. Выждал полчаса и осторожно поинтересовался:

– Не расскажешь мне, в чем дело и кто это был?

Галя улыбнулась и постаралась придать голосу невозмутимость:

– Бывший муж.

– Чего он хотел? – Андрей сделал вид, что не удивился. Прежде Галя не упоминала о неудачном браке.

– Заявлял права на ребенка.

– И?

– И ничего. Если он затеет судебный процесс, я его выиграю. Но он не затеет, – Галя ласково погладила мужа по щеке.

– Ты уверена? – Андрей поймал губами ее пальцы.

– Уверена. Давай закроем эту тему. Я счастлива, что у меня есть ты, и ни о чем другом думать не хочу.

На том и закончили. С той встречи минуло две недели, и Глеб больше не давал о себе знать. Галя успокоилась, но нет-нет, да и вспыхивало в груди тоскливое чувство. Разбираться

в его природе не было ни сил, ни желания, и лучшим выходом являлись хлопоты по дому. В движении дурные мысли гаснут, а тело наполняет приятная усталость.

Галя отошла от окна, вызвав недовольный возглас у ребенка.

– Чего это ты раскапризничался? Нам кушать пора. Сладкий хочет кушать?

Присела на диван, расстегнула халат и приложила сына к груди. Пока он с аппетитом сосал, прикидывала в уме, чем займется завтра. Взгляд рассеянно скользил по комнате и остановился на белой фарфоровой кошечке, стоявшей на высокой полке.

Этот круглый ушастый сувенир, вылепленный и расписанный ставропольским мастером, был дорог Гале. Она купила его давным-давно на последние деньги, будучи проездом в южном городе. С тех пор, куда бы ни ехала, всегда брала кошечку с собой в качестве талисмана. Однажды во время ссоры Глеб перевернул стол, и хрупкий сувенир разлетелся на десятки осколков. Позже, остыв от гнева, муж долго просил прощения и несколько часов корпел над сувениром, дотошно склеивая частицы. С тех пор белый комочек с золотой рыбкой на выпуклом пузе приобрел весьма занятный мозаичный вид.

Галя куснула ноготь, погружаясь в далекие воспоминания. Ей было двадцать три, когда она познакомилась с Глебом. Он был старше, умнее, наглее. На него сложно было не обратить внимания, но Галя мастерски изображала равнодушие. Должно быть, этим и зацепила. Вспыльчивый красавчик не привык к отказам. Он обитал в другом мире: где уличные разборки – обычное явление, где алкоголь и сигареты – повседневные спутники, где за девушками долго не ухаживают, а сразу тащат в постель. Галя не собиралась подпускать хулигана близко, позволяя любоваться собой издалека. Иногда соглашалась пойти в кафе или в кино, но чаще отказывалась.

Сначала Глеб распускал хвост, пытаясь впечатлить пай-девочку. Когда понял, что эти действия не приносят плодов, изменил тактику – попробовал стать проще. Они все так же встречались два-три раза в месяц, но теперь Глеб не ставил целью мгновенную победу. Он и сам не заметил, как их беседы стали искренними и душевными, а за привлекательной девичьей внешностью обнаружилась интересная личность.

Однажды они гуляли в осеннем парке. Моросил дождь, черные ветви деревьев блестели влагой, трава чавкала под подошвами. За серым утренним туманом угадывался солнечный диск, было похоже, что к обеду распогодится. Глеб шел рядом, задумчиво глядя под ноги, иногда пинал мокрые листья. Он не произнес ни слова, но Галя интуитивно почувствовала, что происходит в его сердце. Она взяла его ладонь, вынуждая остановиться, и слабо пожала, отвечая на немой вопрос. Глеб наклонился, чтобы поцеловать ее. И она позволила.

Это казалось ей правильным.

Галя не могла ошибаться. Тогда, в то осеннее пасмурное утро, все было взаправду. Они любили друг друга и верили в светлое будущее. Что же случилось потом? Почему все изменилось? Почему хороший, добрый человек превратился в циничного преступника? Разрушил самое дорогое. Обесценил воспоминания.

Долгие годы Галя жила в сказочном пряничном домике, а когда выглянула в окно, ужаснулась реальности. Она поняла, почему Глеб не знакомил ее с друзьями. Опасался, что она поймет, кем они являются.

Четверо приятелей изобрели игру. Каждый по очереди озвучивал желание, и товарищи исполняли его. Они убивали. Из корысти или от скуки. Они возомнили себя богами, имевшими право вершить чужие судьбы. Этих богов звали Макс, Джек, Лиза и Глеб. Они застрелили мужа Лизы. Сбили машиной беременную любовницу Макса (сестру Галиной подруги). Пообещали Джеку отыскать жертву для психологических опытов.

Глеб, ее любимый муж, – кем она восхищалась и кого боготворила, – участвовал в этом кошмаре. Возможно ли такое простить?

Первый месяц после расставания Галя беспрерывно плакала. Не выходила из квартиры, не ела, не отвечала на звонки. Неизвестно, выбралась бы она из депрессии, если бы не узнала, что беременна. В тот самый момент жизнь озарилась смыслом. На его фоне печали меркли, а боль теряла остроту. Сейчас этот смысл, сытый и теплый, посапывал на ее руках.

Глава 4

Лиза достала зеркальце и придирчиво изучила свое отражение. На нее смотрела заметно исхудавшая, но очень привлекательная женщина. Стильное черное каре, густая прямая челка, синяя подводка. Не сравнить с той несчастной изможденной пациенткой, поступившей в больницу с сильным истощением больше двух недель назад. Выглядела она тогда и правда ужасно.

Опытные специалисты быстро восстановили прежний лоск. Освежающие маски, стрижка, укладка, маникюр, эпиляция. Лиза потратила несколько дней, чтобы привести себя в порядок и вернуть былую красоту. Сейчас внешний вид полностью удовлетворял ее. Но набрать шесть-семь килограммов не помешает.

– Оставайтесь здесь. В квартире мои друзья, – приказала Лиза сопровождавшим ее телохранителям и нажала на кнопку звонка. Дверь открыл хозяин.

– Елизавета!

– Иван!

Гостя замерла на пороге, разглядывая Кравцова. Ей почудилось, они виделись тысячу лет назад и с тех пор успели прожить несколько долгих жизней. Внешне приятель не изменился, но словно бы другой человек смотрел его глазами. Жутковатое зрелище.

– Что же ты стоишь? – улыбнулся Джек. – Проходи!

Лиза шагнула в прихожую, прислушиваясь к своим ощущениям, но радостное волнение заглушало остальные эмоции. Джек обнял ее и поцеловал в щеку:

– Очень рад тебя видеть.

– Думаю, ты в принципе рад видеть, и неважно кого, – не сдержалась она.

– Аплодирую твоей проницательности, – улыбнулся Джек, провожая ее в просторную светлую кухню.

За барной стойкой на высоком крутящемся стуле сидел Глеб. Макс копался в ящике стола, ища штопор.

– Я смотрю, все в сборе, – удовлетворенно выдохнула Лиза, замерев в проеме двери. Макс подошел к подруге, порывисто обнял, оторвав от пола.

– Привет, принцесса!

– Тише ты, железная лапа! Я же все-таки человек! – поморщилась она. – Ребра сломаешь, отпусти!

Макс неохотно разжал объятия и окинул Лизу голодным взглядом:

– Шикарно выглядишь.

Лиза проигнорировала комплимент и поглядела на Глеба, с трудом сдерживая ехидную усмешку. Птенец, отбившийся от стаи, вернулся в лоно семьи. А ведь как громко кричал о независимости, пока по клюву не получил. Эксперимент по внушению амнезии обернулся для Глеба явной пользой. После восстановления памяти он стал проще относиться к жизни. Иначе как объяснить его возвращение? Раньше Лиза бы ликовала, видя жалкое положение зарвавшегося товарища, но минувшие два месяца сильно изменили ее мировоззрение. Она не стала добрее и терпимей – просто расставила приоритеты. Самое ценное в жизни – свобода и здоровье. Все остальное – развлечение, приятный бонус. Лиза больше не испытывала негодования по поводу трусости Глеба – отныне подобные мелочи лежали ниже уровня ее забот.

– Как чувствуешь себя после воскрешения? – с улыбкой спросила она.

– А ты? – не замедлил с ответом Глеб.

– Планирую поработить Вселенную.

– Приятно знать, что ты в норме.

Джек следил за их диалогом с молчаливой заинтересованностью в отличие от Макса, готового в любой момент ринуться на защиту одного или другого – в зависимости от того, кому понадобится помощь. Воспользовавшись возникшей паузой, Макс предложил выпить:

– Слушайте, мы сто лет не собирались вместе. Давайте это отметим, – он потряс бутылку с вином. – Лизка, тебе белого сухого?

– Будь добр.

– А мужики по водочке, – Макс подал подруге бокал и разлил водку по стопкам. – Не знаю, как вы, а я счастлив!

Чокнулись. Лиза подхватила с тарелки оливку и устроилась на диване. В воздухе повисла неловкая тишина. Создавалось впечатление, как будто четверо товарищей, друживших в детстве, встретились двадцать лет спустя. Вроде и знакомые лица, и общее прошлое, но столько воды утекло, столько всего изменилось...

У Лизы было одно средство, способное развеять всеобщую неловкость, но вряд ли бы оно пришлось товарищам по вкусу. Поэтому не предлагала, предпочитая роль наблюдателя.

Макс не выдержал первым:

– Думаю, надо еще накатить.

После пятой рюмки атмосфера слегка разрядилась. Посыпались шутки, завязались споры на отвлеченные темы. Не сговариваясь, все четверо избегали затрагивать самые важные, висевшие в воздухе вопросы.

– Джеки, так здорово, что тебе вернули зрение, – Макс хлопнул друга по спине. – Нам реально не хватало твоего трезвого взгляда.

– Насчет трезвого ты явно промахнулся, – Джек кивнул на почти пустую бутылку. – Но я разделяю твою радость.

– Мы тут гадали, почему ты задержался в Германии. Может, фрейлейн себе отыскал? А, старик? Признавайся! Что там у тебя да как?

– У меня там так же, как у остальных. Не думал, что стану предметом твоих эротических фантазий, – усмехнулся Джек, уходя от ответа.

– Скрытничаешь? И хрен с тобой, – Макс добродушно махнул рукой. – Я, кстати, узнал, сколько психологов нужно, чтобы поменять лампочку. Ты в курсе?

– Один. Если лампочка готова меняться.

Макс рассмеялся:

– Точняк! Ничем тебя не удивишь.

– Ну почему же ничем? Я удивлен, например, почему Елизавета мало пьет.

Лиза, лениво отхлебывавшая из бокала, стрельнула глазами:

– Кто-то очень удачно переводит от себя внимание. Так что там с фрейлейн?

Джек улыбнулся:

– Еще вина?

Лиза пристально посмотрела на него, словно решая, как отреагировать, и встала, прихватив сумочку:

– Пойду припудрю носик. Не шалите тут без меня.

Зайдя в ванную, заперла дверь и села на бортик. Хорошо начавшийся вечер скатывался в унылую попойку. Лиза посмотрела на тонкие пальцы с безупречными, покрашенными голубым лаком ногтями. Еще недавно она не имела возможности даже помыть руки, а сейчас блестит, как начищенная монета. Все меняется. Любой период заканчивается. Знание этой истины спасло ее от безумия. Лиза почувствовала, как на плечи наваливается что-то тяжелое и холодное, как промокший плащ. Последние дни это неприятное ощущение преследовало Лизу, и она всеми силами пыталась не замечать его. Нельзя давать волю воображению, иначе оно сыграет с ней злую шутку. Нужно оставаться в трезвом уме, игнорируя бунтующие эмоции. Лизе всегда это блестяще удавалось. Почти всегда.

Не так давно она едва не совершила величайшую ошибку, поддавшись глупой чувствительности. Воспылала к Джеку страстью и, не получив взаимности, всерьез намеревалась отравить его. Если бы Лизу не похитил маньяк, Иван Кравцов был бы уже мертв. Сейчас затея с убийством друга казалась ей незрелой и опрометчивой. Побывав на грани жизни и смерти, многое переоцениваешь.

Лиза больше не испытывала к Джеку ни любви, ни ненависти. Ее волновало только собственное благополучие и благополучие дочери. Следовало найти сбежавшего преступника, иначе она никогда не вздохнет свободно. Какое счастье иметь достаточное количество денег! Благодаря им есть возможность действовать эффективно и сразу в нескольких направлениях. У маньяка нет шансов. Лиза составила безупречный фоторобот, запомнив ненавистное лицо до самой мелкой морщинки. Он не сможет прятаться вечно. Рано или поздно выползет из убежища. И тогда она убьет его своими руками. Или руками Макса. По настроению.

В дверь постучали:

– Эй, ненаглядная, все путем?

– Все хорошо. Сейчас приду.

– Точно?

– Свали!

– Через минуту не выйдешь, выбью дверь, – беззлобно уведомил Макс и вернулся на кухню. Честно говоря, он с самого начала опасался Лизкиной реакции на Джека. До похищения подруга пылала страстью к нему и плохо скрывала свою увлеченность. Макс не отличался проницательностью, но не заметить очевидного не мог. Лизка вела себя, как течная кошка, отчего Макс становилось совсем паршиво. Он видел, что Джек к ней равнодушен, и поэтому не испытывал агрессии в его сторону. А вот Лизку хотелось в цемент закатать.

С момента освобождения подруга почти не вспоминала о Джеке, явно охладев к нему. На встрече была спокойна и естественна. К своему стыду, Макс допустил крамольную мысль: маньяк сыграл ему на руку, выбив из Лизы наносные эмоции. После такого потрясения редкая страсть не угаснет, зато настоящая любовь лишь укрепится. В последние дни они с Лизкой сильно сблизились. Давно уже Макс не чувствовал себя столь нужным. Особенно грел сердце тот факт, что подруга позвонила первому именно ему. В «Скорую» не садилась, ждала, пока он подъедет. Родная девочка.

– Ну что, мужики, жизнь налаживается? – Макс было хорошо, как бывало несколько лет назад, когда в компании царило взаимопонимание, а проблемы решались легко и скоро. Не было недомолвок, сомнений и страхов. Жизнь текла просто: семья, работа, друзья. Так приятно, светло на душе, что о будущем даже не задумываешься. Макс настолько четко ощутил себя в прошлом, что разглядел в руках у Джека пленочный одноразовый Kodak, популярный в конце 90-х. Вот сейчас «психопат» перемотает пленку, посмотрит в объектив и попросит улыбнуться.

– Вот это раритет! – Глеб кивнул на фотоаппарат. – Где откопал?

– У отца в гараже нашел, – ответил Джек. – Сразу ностальгия нахлынула, решил вам показать.

– Тьфу ты, – Макс сел на диван, вальяжно расставив ноги. – Я думал, у меня глюки!

– Улыбочку! – потребовал Джек, взяв в кадр товарищей и щелкнув кнопкой.

– Предлагаю еще накатить!

– Я пропущу, – Глеб похлопал себя по карманам. – Черт, курить хочется, а сигареты купить забыл.

– Возьми у меня в пиджаке, вон, на стуле висит, – показал Макс.

– Сто лет как бросил, но продолжаешь носить с собой, – хмыкнул Глеб, доставая из пачки сигарету. – Силу воли, что ли, тренируешь, не пойму.

– Подозреваю, дело не в силе воли, а в наличии выбора. Макса успокаивает осознание того, что он в любой момент может пойти на поводу у своего желания, а не подчиняться ультиматумам. Фактически доступные сигареты делают отказ от курения актом доброй воли, а не насилием. – Джек открыл настежь окно и поставил пепельницу на подоконник.

– Эка ты завернул, – восхитился Макс. – Все точняк.

Глеб встал у окна, чиркнул зажигалкой и с наслаждением затянулся, созерцая вечерний город. Было странно находиться в этой квартире, с этими людьми, от которых уже успел отвыкнуть, и общаться как ни в чем не бывало. Словно прошлое утратило значение и некогда пугающие события стали просто событиями – одними из тысяч, случавшихся ранее. Было совершенно неясно, что будет дальше, но в данную минуту неизвестность не терзала, не накаляла нервы. Из-за выпитого алкоголя чувства притуплялись. Не хотелось думать и анализировать. Хотелось просто стоять, лениво перебрасываясь словами, и курить.

– Что, мальчишки, все наливаете? – Лиза появилась в проеме двери и, сощурившись, оглядела присутствующих.

– А ты чего, запереживала о нашем здоровье? – гоготнул Макс. – Насчет меня, например, не паникуй. Я здоровый как бык.

– Как бык ты не потому что здоровый, а потому что скотина, – ласково объяснила она.

– Ох и едкая ты, зараза. Не баба, а серная кислота, – с удовольствием отметил Макс.

– Помни об этом, когда захочешь ко мне прикоснуться, – Лиза забралась на барный стул, но через две секунды слезла. – Скучно у вас. Веселиться хочется, двигаться. Поехали на дискотеку?

– Извини, я пас, – Джек виновато развел руками. – Устал с дороги, лучше дома посижу.

– А ты? – Лиза подошла к Глебу, перехватила у него сигарету, затянулась и вернула обратно. – Не хочешь потанцевать?

Глеб перегнулся через подоконник и плюнул вниз:

– Неохота.

Макс приблизился к подруге, обнял за талию:

– Принцесса, я с тобой хоть на край света. Но сегодня и правда хочется просто посидеть в узком кругу, как раньше. Не обижайся.

– Ты же знаешь, я не запоминаю обиды. Я запоминаю обидчиков, – фыркнула Лиза, нарочито сердито сбрасывая его руку. На самом деле настроение у нее было прекрасное. Недавняя апатия развеялась, голова стала легкой, мышечный тонус повысился. Словно кто-то переключил ее на другой режим – беззаботный и оптимистичный. Тревожные мысли больше не преследовали Лизу, и даже осознание того, что маньяк все еще на свободе, не удручало. В конце концов, самое страшное позади. Она здорова, богата и красива. Ее окружают трое привлекательных мужчин, каждый из них относится к ней по-особому. Это ли не весело, не увлекательно?

– Давай я тебе включу музыку, потанцуешь прямо здесь? – предложил Макс. – Старик, можно твоей стереосистемой воспользоваться? – обратился он к Джеку.

– Без вопросов. Вон в той комнате.

– Пошли, Лизка, будешь для меня танцевать!

Парочка удалилась в соседнюю комнату, откуда вскоре раздалась громкая энергичная музыка.

Глеб затушил сигарету и повернулся к другу:

– Трудно не позавидовать ее самоконтролю.

Джек оперся поясницей о подоконник, сложив руки на груди:

– Этого у Елизаветы не отнять.

Оба помолчали.

– Ты-то сам как? – спросил Иван.

Глеб пожал плечами:

– Нормально. Особенно после того как выпил.

– Спиртное не дает ответов, но помогает забыть вопрос?

– Где-то так, – Глеб выдержал паузу. – Извини, что не расспрашиваю тебя про Германию и все такое. Я по ходу малость перебрал.

– Пошли-ка, – Джек взял его под руку и повел к дивану. – Посиди минуту. А я сварю тебе кофе и принесу поесть.

Глеб послушно опустился на мягкое сиденье. Голова кружилась, в руках и ногах покалывали тысячи мелких иголок, отчего тело казалось невесомым. Обычно водка взвинчивала Глеба, толкала на подвиги. А сегодня возымела обратный эффект, погрузив в ленивое, бесчувственное спокойствие. Это было именно то, что нужно. Глеб устал напрягаться, переживать, отстаивать свои интересы. Сейчас ему было плевать на все и на всех. Приятное, необычное состояния.

– Держи, – Джек поставил на широкий полированный подлокотник тарелку с бутербродами и чашку с кофе.

Глеб посмотрел на пищу и снова закрыл глаза:

– Спасибо.

– Не спасибо, а ешь давай, – строго велел хозяин. – Пойду проверю, как там наши танцоры.

Танцевала меж тем только Лиза. Макс сидел в кресле, наслаждаясь эксклюзивным зрелищем и отбивая ногой в такт музыке. Увидев Джека, махнул рукой, приглашая присоединиться. Тот прислонился плечом к стене и вперил в подругу изучающий взгляд.

Лиза заметила нового зрителя, но нисколько не смутилась. У нее был крайне требовательный музыкальный вкус, ей мало что нравилось, но сегодня первый же включенный диск пришелся в масть. Ритмичная мелодия рвалась из больших квадратных колонок, расположенных по периметру помещения, звук обволакивал, кружил по комнате невидимым вихрем. Лиза впала в эйфорию, двигаясь так, словно танец был единственным смыслом ее жизни. Она осязала энергию, вибрирующую в воздухе, она сама являлась чистой энергией.

– Во дает, а, – выдохнул Макс. – Я уже не припомню, когда она так зажигала.

– Физическая нагрузка – лучший способ борьбы со стрессом, – заметил Джек.

– Чего вы шепчетесь? Потанцуйте со мной! – крикнула Лиза.

– Не-не, цыпа, нам и тут неплохо. Ты, главное, не останавливайся! – хохотнул Максим.

Джек постоял пять минут и вернулся на кухню. Глеб уже расправился с бутербродами и допивал кофе.

– Полегчало?

Приятель кивнул, достал из кармана сотовый телефон:

– Черт, уже поздно. Еще домой переть.

– Можешь переночевать у меня, – предложил Джек. – Обещаю не приставать.

Глеб пьяно улыбнулся:

– Ну, если приставать не будешь, тогда останусь.

– Спальня по коридору направо. Ложись на кровать, белье чистое, – объяснил Джек.

– Ладно, – Глеб поднялся с дивана и поплелся в спальню, бросив напоследок «спокойной ночи».

Джек проводил его взглядом, налил себе кофе и уселся на подоконник. Отпил глоток. Хлопнул по нагрудному карману рубашки, нащупал маленький острый камень. Вытащил, повертел между пальцев. С улицы доносился мерный шум автострады, ночной воздух остывал, позволяя городу отдохнуть от летнего зноя.

Меньше месяца назад психотерапевт Иван Кравцов так же сидел у открытого настежь окна – только не у себя дома, а в больничной палате мюнхенской офтальмологической клиники.

Ветер так же беспрепятственно проникал в помещение, и все тот же камень лежал на ладони. С той лишь разницей, что теперь он мог его видеть.

Камень был продолговатой треугольной формы и напоминал акулий зуб. В длину не превышал трех сантиметров, цвет имел светло-серый. Острый угол его мог запросто разрезать кожу. Собственно, именно так камень и попал к Джеку. После несчастного случая в баре, когда осколки рухнувшей фрески повредили глаза Кравцова, затяжное отчаяние подтолкнуло его навестить давно примеченное место недалеко от города. Вызвал такси, объяснил дорогу и вышел на поле, куда любил наведываться для размышлений. Ступать по неровной почве слепому было трудно; он споткнулся, упал и распорол руку. Выдернул острый предмет из раны и по инерции положил в карман.

Для Джека этот камень стал символом борьбы – не столько с недугом, сколько с унынием. Слепота повергла его в состояние безнадёги, выбраться из него не представлялось возможным. Джек до сих пор не понимал, как пережил эти долгие месяцы темноты. Ему никогда не доводилось испытывать ничего страшнее и грандиознее.

– Любуешься пейзажем? – Лиза, блестящая от пота, с прилипшей ко лбу челкой добежала до крана, налила стакан воды и жадно выпила. Отдышалась. Налила второй и выпила уже спокойнее.

Следом за ней появился Макс:

– А Глеб куда свалил?

– Спать пошел. Я его сегодня у себя оставляю, – объяснил Джек, исподволь наблюдая за Лизой. Было в ней что-то неправильное, непривычное. Странно, что Макс не замечает. Глаза у нее смотрели иначе: дико и счастливо. В ее поведении, манере держаться и разговаривать что-то неуловимо изменилось. Если бы Джек не знал Лизу, назвал бы ее доброжелательной. Она казалась неестественно лояльной и удовлетворенной происходящим. Любопытная посттравматическая реакция.

Макс вернулся в соседнюю комнату, сделал музыку тише. Лиза тем временем прошмыгнула в ванную умыться. Джек посмотрел из окна вниз на светлую ленту дороги, обрамленную пятнами фонарей. Розовая неоновая вывеска сияла нарядной брошью на темном полотне здания, в одном из окон мигали разноцветные всполохи: работал телевизор, над соседней крышей в блеклом черном небе двигалась красная точка самолета. С момента восстановления зрения прошло больше двух недель, а Джек все не мог насмотреться. Замечал малейшие градации цвета, любовался линиями и формами, невольно запоминая мельчайшие детали понравившейся картины, будто судорожно накапливал зрительные образы, боясь снова ослепнуть.

Первые несколько дней после успешной операции Джек пребывал в необычном состоянии, которому не мог дать определение. Оно было грандиознее, чем эйфория, глубже, чем счастье, спокойнее, чем восторг. Джек не испытывал христианской любви ко всему сущему, но всеми фибрами души ощущал правильность мироздания. Все устроено так, как должно. Безупречная, отлаженная система, где ему посчастливилось возникнуть.

Чуть погода философское настроение поутихло, но удовлетворенность осталась. Джек и до трагедии любил жизнь. Но сейчас любил несоизмеримо больше.

– Старик, я реально рад за тебя, – признался Макс, приблизившись к нему. – Ты поправился, Лизка нашлась, Глеб вроде не тупит. Жизнь налаживается, а?

– Определенно налаживается, – подтвердил Джек и после паузы спросил: – Нам, полагаю, стоит обсудить кое-что? Всем вместе.

Макс повертел головой, разминая шею.

– Само собой, старик, но не сегодня. Сегодня мы празднуем твоё возвращение, так что о проблемах побазарим в другой день.

– Мальчики, – Лиза незаметно подкралась и обвила руками обоих мужчин. – А не устроить ли нам тройничок?

- Чего? – Макс моментально набычился. – Я тебе, б... ь, устрою!
- Лиза рассмеялась, весело глядя снизу вверх на ревнивого друга:
- Ты такой милый. Обделался легким испугом?
- Сейчас ты у меня обделаешься, – буркнул товарищ. – Дурные у тебя шутки, Лизка.
- Не у каждого комика веселая публика, – возразила она, ткнув оппонента в ребро.
- Ах ты! – Он дернулся схватить подругу, но та спряталась за спину Джека.
- Ваня, я ваша на веки, только защитите меня от этого зверя!
- Джек соорудил серьезное лицо:
- Извини, Макс, больше мы с тобой не друзья.
- Да ну вас, идиотов. Налакались и буянят, – заржал Макс. – Ты, Лизка, настоящий клад.
- Правда?
- Правда. Так и хочется закопать.
- Джеку почудилось, что все это уже когда-то было. Настенные часы показывали час ночи.

Глава 5

В последующие две недели встретиться всем вместе не получилось. Джек вернулся на работу в клинику. Лиза ушла с головой в дела корпорации. Макс днем мотался по городу, а ночью стоял на посту в клубе. Глеб плотно занялся поисками работы: деньги подходили к концу и нужно было искать источник дохода. Занятые повседневными хлопотами, друзья еще долго не собрались бы целой компанией, не случись кое-что непредвиденное.

Стоял погожий июльский день, психотерапевт Кравцов сидел в офисе, заканчивая сеанс с пациентом. Он успел соскучиться по практике и, как только представилась возможность, сразу приступил к должностным обязанностям.

– Сейчас панические атаки стали реже, не чаще раза в неделю, но я по-прежнему постоянно проверяю свое ощущение окружающей действительности и чувство своего «я», – бормотал молодой дерганый парень с обсессивно-компульсивным расстройством. – Я замечаю какие-то несоответствия и начинаю бояться. Меня преследует страх, что со мной что-то не так, что мир неправильный и я неправильно реагирую на этот мир. Чувствую, что не живу, как раньше, не воспринимаю себя адекватно. Я боюсь попасть в психушку, и меня это сильно беспокоит!

Иван кивал, делая в файле короткие пометки, и задавал уточняющие вопросы. Впрочем, пациент был словоохотлив, вопросов у доктора практически не возникало. Это был уже третий визит пациента в клинику, и в его состоянии наметились определенные изменения.

– Я очень доволен нашей сегодняшней встречей, – подытожил Джек. – Вижу некоторые улучшения, несмотря на то что мы только начали лечение. Продолжайте пить прописанные препараты и выполнять упражнения. Думаю, следующую неделю мы пропустим, а вот числа, скажем, 24-го увидимся вновь. Вам удобно в это же время? В таком случае обратитесь к девушке на ресепшене, она вас запишет.

Когда за парнем закрылась дверь, Джек откинулся в кресле, сцепив руки на затылке. В клинике в честь возвращения ведущего специалиста устроили торжественную церемонию – с алкоголем и закусками, само собой. Руководство ценило господина Кравцова, коллеги-мужчины уважали, а женская часть коллектива тайно вздыхала по красивому доктору – тот хоть и был неизменно галантен и щедр на комплименты, никому фавора не оказывал, лишь сильнее распаляя желание. Ни одна из сотрудниц не отнеслась безразлично к постигнутому психотерапевта несчастью. Переживали все поголовно: от юных медсестричек до главврача – женщины пожилой, тучной и строгой. То-то радости было, когда сероглазый король вернулся зрячим и полным сил.

В первые дни к Джеку в кабинет потянулась череда паломников: коллеги навевались по делу и без. Расспрашивали о Германии, о впечатлениях и планах. Он делился информацией ровно настолько, насколько требовала вежливость. По запросу раскрывать душу привычки не имел. Постепенно назойливое внимание утихло, и Джек сосредоточился на работе. Без сомнения, ему не доставало этой восхитительной привычной рутины.

Кабинет встретил хозяина в неприкосновенном виде. Уборщица регулярно протирала пыль и мыла полы, все поверхности сияли чистотой. Массивный элегантный стол цвета темного ореха, подвижное кресло из темной кожи с лакированными деревянными подлокотниками (эти два предмета мебели Кравцов купил на свои кровные), дипломы и сертификаты на стенах, три квадратных горшка с кактусами (горшки тоже сам выбирал) – все на своих местах. Блокнот с записями открыт на той же странице. Придаться не к чему. Какое наслаждение – иметь хорошую профессию, удобный кабинет и главное – дееспособность.

Джек запрокинул голову, мечтательно уставившись в потолок. На безупречно белом фоне проступили контуры женского лица – сперва неясные, а затем все более отчетливые, объемные. Высокие скулы, пухлый чувственный рот, большие насмешливые глаза...

Стоп!

Джек порывисто встал, прогоняя дивный мираж. Нажал на вызов секретаря:

– В 205-й приглашайте следующего пациента.

Имелась у Джека дополнительная причина поспешного возвращения в клинику: нужно было срочно чем-то занять свой мозг, чтобы не грезить об одной прехорошенькой немецкой медсестре.

Дверь отворилась, и в кабинет вошла Лиза:

– Иван Сергеевич, здравствуйте. Я на прием, можно?

Он удивленно приподнял брови, мельком глянув в график на компьютере.

– Я записана, – улыбнулась Лиза, поймав его взгляд.

– Я вижу, Елизавета Матвеевна. Проходите, присаживайтесь, – указал он на широкий удобный стул.

– Ах, спасибо, – церемонно ответила та, сделав вид, что приподнимает длинную пышную юбку, чтобы не помялась.

– С чем пожаловали? – не без любопытства спросил Кравцов и совсем не по-деловому уселся на стол одним бедром. Он обрадовался визиту подруги – в прошлый раз из-за масштабной пьянки поговорить не получилось. Профессиональная помощь Джека не оказалась бы лишней, он даже пару раз обдумывал, как вызвать Лизу на откровенный разговор. И тут, надо же, сама пожаловала. Прав был психотерапевт Кравцов, не веря в искренность ее оптимизма. Слишком резкий переход от депрессии к счастью – симптом нездоровый. Было что-то неестественное в столь стремительной реабилитации. Джеку приходилось работать с жертвами изнасилования, и большинство из них от радости не светились, наоборот, демонстрировали все признаки посттравматического стрессового расстройства. Паника, отсутствие интереса к семье и друзьям, депрессия, чувство вины – ничего из перечисленного Лиза якобы не испытывала, хотя провела в плену около двух месяцев. Последствия не могли пройти мгновенно и без следа. Даже самая упрямая воля дала бы трещину. Джек был лишен зрения, а не свободы и достоинства, его окружали любовь и забота, а не боль и насилие, и все равно он едва не повредился рассудком. Страшно представить, что пережила Лиза и что творилось у нее в голове.

– Поболтать хотела, – ее тонкие губы тронула улыбка – тусклая, почти страдальческая. Совсем не похожая на фирменную едкую усмешку.

– Конечно, Елизавета. Ты же знаешь, я всегда готов...

– У тебя курят? – перебила его Лиза и полезла в сумочку за сигаретами.

– Вообще-то нет, но для тебя сделаю исключение, – Джек дернул за ручку, приоткрывая окно. Пододвинул на край стола кружку – вместо пепельницы.

Лиза затянулась и надолго умолкла. Иван терпеливо ждал, позволяя ей собраться с духом. Он не хотел напугать ее неуместной нахрапистостью. Лиза смотрела в одну точку, выпуская едкие кольца дыма, и, казалось, позабыла, где находится. Одну за другой выкурила три сигареты (каждую – до половины) и лишь после этого подняла на Джека глаза.

– Я собиралась тебя убить, – будничным тоном сказала она.

Джек промолчал, не понимая, как реагировать на ее слова. Это признание или шутка? Сидеть на столе стало резко неудобно, но позы он не изменил.

– Сейчас это кажется далекой глупостью, – Лиза будто бы обращалась к самой себе. Ее руки безвольно лежали на обтянутых черными джинсами коленях. – Это было тысячу лет назад. Какая я старая, – из ее груди вырвался тихий вздох не то сожаления, не то облегчения. – Я тебя тогда очень любила и еще больше – ненавидела. Раздобыла яд. Я бы отравила тебя, ты меня знаешь. Но у кого-то очень проворный ангел-хранитель.

Повисла долгая пауза. Джек встал со стола и бесшумно сел в кресло.

– Этот урод взял меня тепленькую, – продолжала она. – Пьяную в дрова, с ядом в кармане пальто. Был дождь, сапоги промокли. Терпеть не могу, когда хлопает в обуви. Я рыдала, как

истеричка. Оплакивала будущую кончину старого друга, ха-ха. Урод подошел ко мне... А когда я очнулась...

Джек слушал, упершись локтями в стол и сложив треугольником пальцы.

Лиза выглядела уставшей, как после марафонского забега. Она хотела многое рассказать, но не имела сил для красноречия. Говорила бесцветно, будто диктовала конспект.

– Я его ненавидела. Ненавидела, но ждала его прихода. Потому что эта омерзительная тварь была единственной связью с миром. Единственным вариантом общения. Мне нужно было слышать хоть чей-нибудь голос, даже если это голос собственной смерти. В какой-то момент во мне что-то сломалось. Не рухнуло с треском и даже не пошатнуло внутреннее устройство, а как-то очень медленно, но неумолимо стало отмирать. Нечто важное, что непременно должно присутствовать в человеке, – душа, ощущение связи с чем-то большим, чем ты сам, я не знаю... – безвозвратно ушло, оставив меня донашивать свою жизнь, как вышедшее из моды платье, – Лиза перевела дыхание. – Но ты, Ваня... Ты должен быть благодарен ему. Он тебя спас.

Джек постарался придать своему голосу душевность и нотку раскаяния:

– Лиза, я сожалею, что тебе пришлось пережить такое... Отчасти по моей вине... Прости, если бы я знал...

– Ничего бы не изменилось, если бы ты знал, – она не дала ему закончить фразу. – Ты поступил бы точно так же. Насильно мил не будешь, не так ли?

Не так, конечно, не так. Любому приличному психотерапевту известно, что симпатия, страсть и даже настоящая нежная любовь легко синтезируются при должной тренированности ума. Сначала сознательно вдалбливаешь себе определенные установки, покуда они не закрепятся в подсознании. А затем подсознание начинает работать самостоятельно, подгоняя эмоции под внедренную программу. И вот тебе уже и заинтересованность, и восторг, и искреннее светлое чувство. И все-таки в одном Лиза была совершенно права: даже зная о предстоящем кошмаре, Джек не стал бы делать усилие, заставляя себя влюбиться. Ему просто не хотелось влюбляться в подругу. Если уж поддаваться иррациональной эмоции, то ради нового персонажа. Елизавету Гончарову Иван Кравцов уже давно изучил, в ней не осталось загадок и сюрпризов. Даже ее намерение убить его не удивило Джека. Ошеломило немного, но не удивило. Подруга всегда выбирала самый простой путь.

– Я отлучусь на минуту, – Лиза с усилием поднялась и покинула кабинет.

Пока она отсутствовала, Джек прикидывал, с чего начнет свой монолог. Лизе требовалась психологическая помощь, нужно быть предельно аккуратным. В таком состоянии пациент крайне восприимчив к любому нюансу речи – от фонетической составляющей до интонации голоса. Судя по всему, Лиза находилась на стадии внешнего приспособления – пыталась преодолеть тревогу и вернуться к прежнему образу жизни, вести себя так, словно кризис уже миновал. Этот период псевдоадаптации характерен тем, что психологическая травма отрицается, чтобы заглушить связанные с ней переживания. Жертва насилия старается казаться нормальной, тогда как внутренние ресурсы ее серьезно истощены. Лиза правильно сделала, что обратилась к профессионалу, это ускорит реабилитацию.

– Что, загрузился? Забей, Ванюша, нам ли быть в печали, – Лиза вернулась повеселевшая и посвежевшая. В ее глазах играли озорные огоньки, и не следа от недавней грусти.

Джек озадаченно посмотрел на нее, терзаемый подозрением:

– Куда ты ходила?

Лиза улыбнулась с легкой издевкой:

– В туалет, миленок.

– Что ты там делала?

– Ты серьезно? – Подруга выгнула бровь.

– Более чем, – Джек приблизился к Лизе, развернул к окну и внимательно изучил ее лицо. – Ты употребляешь наркотики?

Она отстранилась и плюхнулась в кресло Джека, не ответив на вопрос.

– Кокаин, – предположил он.

– Хочешь? У меня осталось, – Лиза шмыгнула носом и принялась крутиться в кресле из стороны в сторону.

– Ты разве не осознаешь, что в твоем состоянии прибегать к наркотикам – идея, мягко говоря, неумная?

– Выключи Иисусика, умоляю. Мы взрослые люди. Ты своим пациентам антидепрессанты прописываешь, разве это не те же наркотики?

Джек нахмурился:

– Прочитать тебе лекцию о том, чем отличается сертифицированный антидепрессант от кокаина и каковы последствия от применения того и другого?

– О нет, – воскликнула Лиза. – Я знаю все, что ты скажешь. Думаешь, я не изучила вопрос?

– Я не собираюсь учить тебя. Но хочу лишь предупредить, что подобные эксперименты крайне опасны, когда человек испытывает постстрессовый шок. Твоя психика сейчас очень уязвима. И дело даже не в том, что тебе труднее контролировать привыкание, – я несколько не сомневаюсь в твоей сознательности, – дело в том, что неизбежный упадок настроения, наступающий после приема наркотика, может усугубить твое и без того неустойчивое состояние.

Лиза улыбнулась:

– Я в курсе. Просто сегодня такая тоска навалилась, хоть вой. И слабость. А у меня через час переговоры важные по работе. Может, удастся продать бизнес по очень неплохой цене. Я все равно в нем ничего не смыслю.

Впервые Лиза попробовала «белый» несколько лет назад. Они сидели компанией в кафе, отмечали день рождения Макса. Лиза уже собиралась домой – было за полночь и хотелось спать, – когда именинник загадочно подмигнул и попросил товарищей проследовать за ним. Они сели в машину, недоуменно переглядываясь. Макс достал маленький квадратный пакетик с белым содержимым и предложил попробовать.

Попробовали. И ничего не почувствовали. Вернулись в кафе, общались, ржали, плясали. А потом неожиданно подошел официант и сообщил, что кафе закрывается. Шесть утра, как никак. Удивились, как незаметно пролетело время.

После выписки из больницы на Лизу нахлынула тоска и неудовлетворенность: тут тебе и ненависть к сбежавшему маньяку, и злость на неласковую, не скупавшую по ней дочь, и плохое самочувствие. За два месяца плена Лиза разучилась радоваться.

Она давно собиралась поговорить с Джеком. Нет, сеанс психоанализа ей не требовался, она знала себя куда лучше, чем кто-либо другой. Ее интересовала реакция Джека на сообщение о его несостоявшемся убийстве. Неизвестно, на что Лиза рассчитывала. Товарищ не изменил себе, оставшись сдержанным и холодным, как ледяная фигура, установленная на главной площади города перед новогодними праздниками. Статуя прозрачна и неподвижна, и лишь тусклые отблески разноцветных гирлянд плавно струятся по ее безжизненной коже, создавая иллюзию жизни. И кажется даже, что слезы медленно капают из ледяных, широко распахнутых глаз. Ты замираешь в трепетном предчувствии: неужели? Но нет, волшебства не бывает. Это всего лишь дорожка инея, оставленная ночными заморозками.

Джек неискренне изобразил сочувствие – у «пациентки» напрочь пропала охота открывничать. У нее и так с самого утра настроение никудышное, а теперь стало совсем тошно.

По внутренней линии позвонили. Джек поднял трубку.

– Иван Сергеевич, вас ждет клиент по записи, – сказала секретарь.

– Хорошо, я сообщу, когда его пригласить.

Лиза встала с кресла:

– Конь копытом бьет, удила грызет? Ладно, не буду тебя отвлекать, хотя очень хочется.

– Елизавета, мы можем встретиться завтра или в любой другой день – когда тебе удобно, – чтобы поговорить о том, что тебя тревожит.

– Меня ничего не тревожит, Ванюша, – Лиза подалась вперед, звонко чмокнула его в щеку. – Петушок напился, и проскочило зернышко.

– Какое зернышко, Елизавета? – Джек почувствовал себя идиотом.

– Которое комом в горле стояло, – весело ответила она и выпорхнула из кабинета.

Едва за ней закрылась дверь, снова зазвонил телефон, на этот раз мобильный.

– Старик, собираемся сегодня. Все, кроме Глеба. Позже объясню почему, – голос Макса звенел от напряжения. – Кое-что случилось.

Глава 6

А случилось следующее. Утром Макс вышел из дома, намереваясь потаксовать – последние дни заработать почти не удавалось. Сел за руль, завел двигатель и плавно тронулся с места. Едва выехал из двора, увидел голосующего мужика. Вот так удача. Притормозил, опустил окно.

– Куда?

– Недалеко, пятихатку плачу.

– Садись! – Макс кивнул на переднее сиденье, но мужчина предпочел расположиться на заднем.

– Адрес уточни, – попросил Гладко, нажимая на газ.

– Сейчас прямо. Когда завернуть, скажу, – сердито бросил пассажир и уставился в окно, не намереваясь поддерживать разговор.

– Лады, – хмыкнул Макс, мельком глянув на хмурого типа в зеркало заднего вида. Лицо у того было квадратное и непроницаемое, лишенное эмоций.

Они миновали три перекрестка, затем свернули на проспект.

– На втором светофоре направо, – отрывисто сообщил пассажир.

Не то чтобы Макс жаждал общения, но так и подмывало спросить у неразговорчивого пассажира, чем тот зарабатывает на жизнь. С таким выражением лица только людей убивать. Хотя первые впечатления бывают обманчивы. Вон, у доктора Джекила какой интеллигентный вид, тогда как прошлое далеко не безупречно. Не исключено, что мрачный верзила трудится, например, ветеринаром. Макс усмехнулся, представив себе это нелепое зрелище.

Десять минут спустя машина въехала на территорию промышленного склада. Пассажир указал на ворота, у которых стояло двое мужчин:

– Там останови.

Макс повиновался.

– А теперь сиди спокойно и не дергайся, – его затылка коснулся холодный металл. В ту же секунду дверца открылась, и на переднее кресло уселся подтянутый, дорого одетый мужчина за пятьдесят.

– Да ну на хрен, серьезно? – не поверил Макс и нервно рассмеялся, узнав таинственного незнакомца.

Велецкий сдержанно улыбнулся:

– Вполне серьезно, господин Гладко.

Второй телохранитель остановился у окна со стороны водителя, готовый отреагировать на любое его резкое движение.

– Охренеть, – только и нашел что сказать изумленный Макс. Ситуация выглядела столь неправдоподобной, что мозг отказывался принимать ее.

– Я смотрю, ты без дела не сидишь, – Велецкий повернулся к нему, с любопытством разглядывая. – В таксиста переквалифицировался, молодец. Все профессии достойны.

– Похвалить меня пришел? – Макс оправился от первого шока и во все глаза пялился на врага в надежде угадать его намерения и найти подсказку к идентификации его личности. К сожалению, бейджа с фамилией-именем на груди у незнакомца не висело.

– Может, похвалить, а может, усугубить наказание. Зависит от того, что ты мне расскажешь, – медленно, смакуя каждое слово, произнес Велецкий. Разговор явно доставлял ему удовольствие.

Макс резко откинулся в кресле, позабыв о приставленном к голове пистолету, но боль в затылке напомнила о расстановке сил.

– Что ты хочешь, чтобы я рассказал?

Сергей Велецкий кивнул, поощряя его за правильный вопрос.

– Ты лишился жены и фирмы. Жена к тебе вернулась, чем крайне меня удивила. Но раз она так сильно тебя любит, вмешиваться в вашу семейную жизнь я не буду. Однако могу еще больше усложнить твое существование. Впрочем, я забегаю вперед. Все по порядку.

Господин Кравцов пострадал без моего вмешательства, как и госпожа Гончарова. Я, признаться, был потрясен, узнав о произошедшем. Два месяца в плену у насильника – более чем достаточное возмездие за ее грехи, не так ли? На счет господина Кравцова я еще не принял окончательного решения. С одной стороны, он уже перенес серьезное испытание, но с другой – можно ли считать это полноценным наказанием? Так или иначе, пока я в раздумьях. Трое из вашей компании получили по заслугам. Кроме одного, – Велецкий выдержал паузу, наслаждаясь замешательством собеседника. – Ты догадываешься, о ком я говорю?

Макс хмыкнул, но от ответа воздержался. Его оппонент улыбнулся и, поправив на манжете стильную золотую запонку, продолжил:

– Что за мода пошла – менять имена и фамилии? Я нахожу это дурным вкусом и неуважением к собственным предкам. Кроме того, вся эта чехарда со сменой личности порядком усложняет процесс знакомства. А мне крайне необходимо познакомиться с Кириллом Смирновым. Тебе он известен под другой фамилией. Ты ведь понимаешь, о ком я толкую? Конечно, понимаешь. И думаю, поспособствуешь нашей встрече.

– А если нет? – В голосе Макса звучал вызов.

– Если нет, тогда мне придется снова заняться тобой и твоими друзьями, – нарочито грустно произнес Велецкий. – Фантазия у меня ограниченная, поэтому я, скорее всего, сделаю вас очень больными и очень несчастными.

– Да кто ты, сука, такой? – рявкнул Макс, едва не кинувшись на наглеца. Стоявший у открытого окна охранник с силой сдвинул его плечо, предлагая успокоиться. Макс с трудом усидел на месте. Он понимал, что убить его не убьют, но покалечить вполне способны – чего не хотелось. Вот ведь хренов урод, один на один побазарить ему запахло. Таскает за собой головорезов.

Велецкий проигнорировал его вспышку гнева и продолжил спокойным тоном:

– Даю тебе два дня, чтобы привести ко мне Кирилла Смирнова.

– Я понятия не имею, где он!

– Поэтому я и даю тебе два дня. Выясни. Я с тобой свяжусь. А пока свободен, – Велецкий лучезарно улыбнулся и вышел из машины. Следом салон покинул охранник.

Несколько секунд Макс не двигался, собираясь с мыслями, затем завел двигатель и рванул с места так лихо, что застонали покрышки.

В баре было шумно, но за перегородкой, имитировавшей уединенный уголок, царила унылая тишина. Джек потягивал бренди, Лиза курила, а Макс нервно барабанил пальцами по столу.

– Почему вы мне раньше не рассказали про этого чудака? – недовольно сощурилась Лиза.

– Тебе не до того было, – буркнул Макс. – Да и вообще столько всего навалилось, что голова кругом. Мы и сейчас бы тебе ничего не сказали, но как тебя еще убедить свалить из города?

– Я никуда не поеду, – Лиза дунула на челку, исподлобья зыркнув на него.

Макс стукнул кулаком по столу:

– Поедешь! Тебе нельзя оставаться. Мы-то с Джеки справимся, мы мужики, нам проще. А бабам на войне не место. Поживи пока за границей, у моря. Переждешь, пока мы тут не разберемся, заодно силы восстановишь.

– Какие у меня смелые защитники, – Лиза вздернула подбородок. Ее черные глаза горели. – Когда мы играли, никто не вспоминал, что я баба. Я делала все то же, что и вы. А иногда даже больше.

– Да пойми ты, – Макс запнулся и вспыхнул. – Это ради твоего же блага. Нельзя, чтобы с тобой опять что-то случилось!

– Продолжай, продолжай, я всегда зеваю, когда мне интересно, – Лиза отобрала у Джека бренди, отхлебнула и поморщилась: – Гадость, как ты это пьешь? Со мной ничего не случится. Телохранители от меня ни на шаг не отходят.

Макс устало потер лоб. Последние несколько часов голова болела не переставая.

– Мне надоело с тобой спорить. Ты же умная, Лизка. Сама понимаешь, что будет лучше, если ты исчезнешь на время.

Лиза повернулась к Джеку:

– Ты тоже так считаешь?

Тот пожал плечами:

– Мы не знаем, чего ожидать. Судя по всему, у этого мстителя имеются ресурсы, чтобы быть в курсе наших передвижений. В таком случае целесообразность твоего отъезда ставится под вопрос. Если он захочет до нас добраться, доберется в любом случае, куда бы мы ни подались. Полагаю, лучше держаться вместе. Тебе так не кажется, Макс? – Джек внимательно посмотрел на друга.

– Я уже не знаю, как мне кажется, – растерянно протянул тот. – Я просто хочу оградить Лизку от этого дерьма.

– Брось, Максик, – отмахнулась она. – У меня против дерьма уже давно иммунитет. Справимся.

Макс глубоко вздохнул, ощущая, как наливаются тяжестью мышцы – словно он пахал двое суток без роздыху. День тянулся и тянулся, никак не заканчиваясь, как было бы хорошо очутиться в теплой постели и моментально отрубиться. Что за жизнь такая поганая, а? Только успокоишься, переведешь дыхание, как получаешь новую порцию проблем. Макс чувствовал, как закипает внутри злорада – густая, тягучая, как смола, – ищет, куда бы излиться. Ярость, сила, желание – все имелось для успешного сражения. Но как сражаться с невидимым врагом? Ты твердо знаешь о его существовании, ощущаешь его присутствие и пожинаешь плоды его атак, но каждый раз, поднимая оружие, сталкиваешься с пустотой.

О перемирии, предложенном врагом, не могло быть и речи. Слишком неподходящие условия. Выдавать Глеба друзья не собирались. Поэтому и не пригласили его на встречу. Он бы наверняка согласился стать жертвой. Можно было попытаться придумать хитрый план, но Макс сильно сомневался, что за два дня их осенит гениальная идея. Если уж Глебу удастся удачно скрываться, пусть и дальше продолжает в том же духе. Новым паспортом он не пользуется, банковской картой тоже – вычислить его невозможно. Личные встречи свести к минимуму – товарищ только рад будет. Не слишком он рвется выходить на контакт, все фантазирует о новой жизни. Макс, правда, пообещал Глебу помочь разобраться с его отцовскими делами, но с этим придется подождать. Есть сейчас дела поважнее.

– Глебу вообще ничего говорить не будем? – уточнила Лиза.

– Я могу позвонить ему, намекнуть, чтобы он был осторожнее, – предложил Джек. – Хотя он и сам не дурак, понимает, что пока новоявленный жрец правосудия не идентифицирован, лучше не высовываться.

– Я сам ему позвоню, – Макс налил из графина клюквенного морса и сделал несколько больших глотков. – Кислый, зараза. Они тут чего, на сахаре экономят?

Лиза наклонилась к Максиму и поцеловала его в губы:

– Так слаще?

– Ого, – удивился он. – Чего это ты такая добренькая?

– У Елизаветы есть секрет, – пряча под ладонью улыбку, сообщил Джек.

Подруга метнула в его сторону предупреждающий взгляд.

– Что за секрет, принцесса?

– Ванюша пошутил, – скривилась Лиза. – Наверное, позабыл, что у шутников часто отсутствуют передние зубы.

Макс хохотнул:

– Слышишь, Джекил, поаккуратнее с юмором. Видишь, какая у нас подруга дерзкая, промахов не прощает.

– Почему не прощаю? Мертвым грех не простить, – Лиза пнула Джека под столом, дабы держал язык за зубами. Не то чтобы она целенаправленно скрывала от Макса кокаиновое баловство, просто сейчас был не самый удачный момент для признания. Он и без того озабочен ее здоровьем, а тут вдруг наркотики!

Сегодня Лиза провела удачные переговоры с потенциальным покупателем – она была красноречива и обаятельна и не сомневалась, что получит выгодное предложение. Корпорация, доставшаяся ей в наследство от мужа, отнимала у нее все свободное время. И хотя Лиза не считала себя глупой, вынужденно признавала, что в вопросах бизнеса несильна. Надо передать управление в другие руки, пока корпорация окончательно не развалилась.

После деловой встречи Лиза приехала в бар, где условилась пересечься с друзьями. История, рассказанная ими, порядком ее удивила. Лиза свято верила, что во время игр они не допускали ошибок, не оставляя улики и замечая следы. По десять раз проверяли все детали, прежде чем пойти на новый круг. Получается, где-то они все-таки прокололись. Недоброжелатель явно за что-то мстил. На протяжении встречи Лиза перебирала в памяти прошлые события, прикидывая, к какому из них мог быть причастен неопознанный враг. Вариантов было много: друзья не отличались особой нравственностью и порой далеко заходили в своих забавах. Оставалось только гадать, в каком круге они упустили слабое звено.

Несмотря на неприятную новость, Лиза пребывала в хорошем настроении. День выдался удачным, да и легкий допинг сделал свое дело. Точнее, если быть честной, именно благодаря допингу день и выдался удачным.

Друзья проторчали в баре до полуночи, так и не придумав ничего умного. Решили тянуть время. В следующий раз, когда инкогнито выйдет на связь, Макс постарается убедить его, что действительно не знает, где находится Глеб. Между тем Джек и Лиза составят список пострадавших от их игры, начиная с последних классов школы и заканчивая прошлым годом, когда игра прекратилась. Вряд ли список окажется полным – большинство имен и фамилий позабыто. Придется изрядно напрячь память и покопаться в архивах, чтобы извлечь нужную информацию. А дальше – анализировать, искать эфемерный след, способный вывести на престарелого Зорро.

Уже выйдя из кафе и остановившись, чтобы попрощаться, Макс кивнул на телохранителей, следовавших за Лизой по пятам:

– Охраной довольна?

– Никак не привыкну, – призналась та. – Они так тихо за мной ходят, что я иногда забываю об их существовании. Сажусь в машину и реально вздрагиваю, когда двое мужиков садятся следом.

– Ребята – профессионалы. Мне немного спокойнее, когда я знаю, что тебя могут защитить.

По дороге домой действие наркотика отпустило, и на Лизу навалилась тревожная усталость. Это состояние она не любила больше всего. Каждый раз, испытывая постэйфорический спад, клялась больше не нюхать, будучи искренней в своем порыве. С тоской смотрела на дорогу, раздражаясь на тусклые фонари и плохой асфальт, и пару раз едва не проехала на красный, впад в унылое оцепенение.

– Елизавета Матвеевна, остановите машину, – попросил сидевший рядом телохранитель, молодой, крепкий парень с цепкими, внимательными глазами. Лиза смерила его безразличным взглядом и съехала на обочину.

– В чем дело?

– Простите, вы плохо себя чувствуете. Пересядьте на пассажирское кресло, я сам поведу, – требовательно произнес телохранитель и тотчас вышел из салона. Открыл дверцу водителя, протянув ей руку.

Лиза проигнорировала его руку, молча поднялась, обошла автомобиль и села с другой стороны. В другой раз она наверняка бы поставила зарвавшегося парня на место, объяснив ему, кто здесь раздает указания, но сейчас не было сил и желания. Побыстрее бы добраться до дома, выпить горячего чаю, забраться под одеяло и заснуть.

– Выключи кондиционер, – Лиза зябко поежилась. Внутри шевелился мутный, неопределенный страх, дорога казалась пугающе бесконечной, мерное шуршание шин резало уши.

– Чего ты плетешься? Гони быстрее! – Ей хотелось остаться одной, не видеть и не слышать источники раздражения.

Водитель на приказ не отреагировал, продолжая держаться разрешенной скорости. Лиза решила, что завтра же уволит засранца к чертям собачьим.

Порог квартиры переступала практически в полусне. Отказалась от душа, стянула одежду и повалилась на кровать, предвкушая желанное забытие. Сон улетучился, едва голова коснулась подушки. Лиза ворочалась, не находя удобного положения, злясь на глупый организм, который требовал отдыха, но отказывался засыпать. Промаявшись до четырех утра, встала, набрала горячую ванну, но, полежав пять минут, вылезла и поспешно закуталась в мягкий махровый халат. Даже в халате она чувствовала себя неуютно голой и выставленной напоказ.

Воспоминания об унижительном плене ожили, заплясали перед глазами. Лиза ощутила себя беспомощной, открытой для удара. Ей померещилось, что она по-прежнему во власти маньяка, изменились лишь условия заточения. По какой-то причине сумасшедший переместил узницу в ее собственную квартиру, захватив в заложники маленькую дочь.

Знакомый вкрадчивый голос раздался над самым ухом:

– Я добр к детям. Но твою дочь мне не жалко. Знаешь, почему? Потому что ее не существует. Больше не существует.

Лиза рванула в коридор, в истерике распахнула дверь детской комнаты, практически не сомневаясь, что увидит мертвую Настю, раскинувшую тоненькие ручки на забрызганной кровью кровати. Маньяк не терпел конкурентов и уничтожал всех, кем дорожила жертва. Маленькая светловолосая девочка больше никогда не встанет между ним и его невестой.

Лампа с темным абажуром слабо освещала комнату. Настя сопела, свернувшись калачиком, прижимая к груди розового плюшевого слона. На диване в дальнем углу комнаты спала няня.

Лиза тихо закрыла дверь и осела на пол, уронив в ладони лицо. Жить не хотелось.

Глава 7

Вид с открытой террасы открывался замечательный: фигурные кустарники, карликовые деревья с пушистыми кронами, разноцветные клумбы и даже маленький водоем, выложенный гладким круглым камнем. Слабый ветер доносил запахи летнего леса, пестрая бабочка кружила над горшком с цветами, с улицы доносился шум воды – водитель мыл внедорожник, поливая его из шланга и орудуя тряпкой. Велецкий усмехнулся, глядя, с каким удовольствием и скрупулезностью парень оттирает автомобильную грязь. На недоумение хозяина труженик Леха отвечал, что ни в одной мойке машина не почувствует столько ласки, сколько при ручной чистке.

– Любая техника требует внимания. Чем нежнее к ней, тем меньше поломок.

Велецкий на это только рукой махал: у всех свои причуды. Нравится Лехе возиться в грязи – кто ж ему запретит. Автомобили у него и правда никогда не капризничали. Такого хорошего водителя еще поискать.

Погода стояла солнечная, но не жаркая: летом за городом – красота. Сергей Велецкий с детства мечтал о собственном доме и, когда стал прилично зарабатывать, первым делом купил трехэтажный особняк. На жизнь он не жаловался: все у него складывалось отлично. И бизнес, и семья, и здоровье. Пожалуй, была лишь одна проблема, но и она близилась к благополучному разрешению.

Полгода назад, вернувшись домой с работы, Сергей обнаружил полумертвую жену в ванне с неизвестным мужчиной. Своевременная медицинская помощь спасла жизнь обоим, и супруга была вынуждена признаться в причинах ее страшного поступка. В старших классах школы ее изнасиловали четверо одноклассников. Вернее, насиловал один, а трое остальных следили, чтобы жертва не сбежала. После этого инцидента Оленька сменила не только школу, но и собственное имя, пытаясь избавиться от любых воспоминаний о прошлом. А спустя много лет встретила в коттеджном поселке одного из ублюдков! Подлец не узнал ее, и Оленька решила отомстить. Она бы убила и себя, и его, не окажись любимый муж в нужном месте в нужный момент.

Сергей установил личности негодяев и пообещал жене, что те понесут заслуженное наказание. Первым пострадал Максим Гладко, лишившись процветающей фирмы по грузоперевозкам. Предполагалось также разрушить его семью, тем более что основания имелись: насильник изменял благоверной направо-налево. Однако супруга у господина Гладко оказалась чуткая и любящая и простила изменника. Тут уже ничего не попишешь, бог с ними, пусть живут вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.